Самсон Гелхвидзе

Песни, любовь и озорство старого Тифлиса

18+

роман

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ПЕСНИ, ЛЮБОВЬ И ОЗОРСТВО СТАРОГО ТИФЛИСА - (роман)

«Автор»

2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ПЕСНИ, ЛЮБОВЬ И ОЗОРСТВО СТАРОГО ТИФЛИСА - (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

Роман - «ПЕСНИ, ЛЮБОВЬ И ОЗОРСТВО СТАРОГО ТИФЛИСА» — это увлекательное художественное путешествие в атмосферу старого Тифлиса XVIII века, города, в котором переплелись культуры и языки, любовь и ревность, весёлые проделки и драматические испытания.На фоне исторической эпохи Ираклия II разворачивается многоплановое повествование, в центре которого находится судьба выдающегося поэта и музыканта Саята-Новы. Автор соединяет исторические мотивы с вымышленными сюжетными линиями, создавая живую картину городской жизни, наполненную яркими характерами, неожиданными событиями, музыкальными встречами и человеческими переживаниями.Особую выразительность роману придают образы Мариам, Этери, Сулеймана и других героев, каждый из которых вносит свою ноту в общую мелодию повествования. Комедийные эпизоды органично соседствуют с драматическими событиями, а история любви и поиска справедливости постепенно приобретает глубокое философское звучание.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПЕСНИ, ЛЮБОВЬ И ОЗОРСТВО СТАРОГО ТИФЛИСА - (роман)

ПЕСНИ, ЛЮБОВЬ И ОЗОРСТВО СТАРОГО ТИФЛИСА
Исторический роман

Пролог. Город, который пел

Тифлис никогда не просыпался сразу. Он словно нехотя открывал глаза, прислушивался к собственному дыханию, к шуму Куры, к далёким голосам с горных склонов и лишь потом начинал свою ежедневную, никогда не прекращавшуюся жизнь.

Сначала над крышами поднимался дымок из небольших труб. Затем распахивались деревянные ставни, во дворах раздавались голоса женщин, звенела посуда, сердито перекликались хозяйки и слуги. Где-то начинал кашлять старый осёл, которому, по всей видимости, надоело ждать, когда его наконец нагрузят. Из соседнего двора доносился звон молотка: кузнец уже взялся за работу, словно опасался, что солнце сегодня взойдёт раньше обычного и застанет его без дела.

Узкие улицы постепенно наполнялись людьми. Купцы открывали лавки, ремесленники раскладывали инструменты, мальчишки носились между прохожими, стараясь не попасть под ноги ни человеку, ни ослу, ни нагруженному верблюду. Из караван-сараев выходили приезжие, ещё не вполне понимая, в каком городе они оказались и почему здесь каждый встречный считает необходимым что-нибудь им посоветовать.

Тифлис был городом, в котором редко удавалось пройти по улице молча. Здесь разговаривали, спорили, торговались, смеялись, ругались и мирились. Причём иногда всё это происходило в течение одного короткого разговора.

На базаре уже шла торговля.

— Почтенный господин, взгляните на этот товар! — взывал торговец тканями к человеку в добротном кафтане. — Такого шёлка вы не найдёте даже в самых богатых домах!

Покупатель осторожно ощупал ткань, посмотрел на продавца и спросил:

— А почему же тогда ты сам не носишь такой?

Торговец на мгновение растерялся, но быстро нашёлся:

— Потому что я человек скромный. Мне достаточно того, что мои покупатели выглядят достойно.

Рядом кто-то рассмеялся. Покупатель тоже улыбнулся, однако цену сбил почти наполовину. Торговец вздохнул с таким выражением лица, будто только что потерял всё своё состояние, но сделку всё-таки заключил. В Тифлисе умели торговаться даже тогда, когда обе стороны заранее знали, чем закончится разговор.

Город жил сразу на нескольких языках. В одной лавке обсуждали цену товара по-армянски, неподалёку спорили по-грузински, а из соседнего двора доносилась азербайджанская речь. Люди привыкли понимать друг друга не только словами. Иногда достаточно было жеста, улыбки или выразительного взгляда, чтобы договориться о покупке, помириться после ссоры или, наоборот, начать новую.

У каждого квартала имелись свои привычки, свои знаменитости и свои маленькие тайны. Одни жители гордились древностью своего рода, другие — богатством, третьи — умением приготовить такое угощение, после которого гость забывал дорогу домой. Были и те, кто считал себя главным знатоком городской жизни. Их обычно слушали с уважением, но не слишком долго.

Особенно если рядом находился человек, способный рассказать ту же историю значительно смешнее.

В одном из двориков пожилой хозяин дома уже с утра выяснял отношения с соседом.

— Я тебе вчера говорил, чтобы твой петух не ходил по моему двору!

— Он не ходит, он гуляет.

— Какая разница?

— Для петуха, поверь, большая.

— А для меня никакой! Он разбудил меня ещё до рассвета!

Сосед посмотрел на него с искренним удивлением.

— Так ведь рассвет для того и существует, чтобы просыпаться.

— Тогда пусть твой петух объяснит это моей голове!

Спор продолжался бы, вероятно, до самого полудня, если бы из окна не выглянула женщина и не напомнила обоим, что у них есть дела поважнее, чем выяснять, кому принадлежит право на утреннюю тишину.

Так начинался обычный день в Тифлисе.

Но обычных дней здесь, пожалуй, не существовало.

За каждым окном могла скрываться своя история. В одном доме молодая девушка ждала письма, которое не решалась попросить у отца. В другом старый купец пересчитывал деньги и подозревал, что жена знает о его тайных расходах больше, чем ему хотелось бы. В третьем молодой человек уже третий день собирался признаться в любви, но каждый раз, встретив избранницу, начинал рассуждать о погоде, ценах на виноград и состоянии дорог.

В Тифлисе даже любовь нередко начиналась с совершенно постороннего разговора.

Город был щедр на встречи, но не всегда благосклонен к тем, кто хотел сохранить свои секреты. Здесь слишком много людей знали друг друга, слишком часто пересекались дороги, слишком охотно открывались двери. А если кто-нибудь пытался скрыть какую-нибудь историю, то к вечеру она уже обрастала подробностями, о которых не подозревали даже её непосредственные участники.

Однако главным богатством Тифлиса были не товары, не дома и не царские милости.

Это были люди.

Их характеры, их страсти, их память, их способность радоваться малому и переживать большое. Они могли быть вспыльчивыми и великодушными, расчётливыми и щедрыми, хитрыми и наивными. Один человек умел нажить состояние, другой — растерять его за одну ночь, третий не имел почти ничего, кроме доброго имени, но пользовался уважением всего квартала.

А ещё в этом городе любили музыку.

Она звучала на праздниках и семейных торжествах, сопровождала застолья, помогала пережить разлуку и порой говорила о том, о чём человек не решался сказать вслух. Пели в домах, во дворах, на улицах. Музыкантов приглашали на пиры, их встречали с радостью, но и спрашивали с них строго: мало было владеть инструментом, нужно было уметь тронуть человеческое сердце.

Особенно ценились те, кто не просто исполнял чужие песни, а создавал собственные. Такие люди обладали редким даром: они могли услышать в обычном разговоре мелодию, в случайной встрече — начало истории, а в человеческой печали — слова, которые становились близкими сотням незнакомых людей.

В те годы Тифлис ещё не знал, насколько далеко разнесётся слава одного из своих певцов. Он не мог предвидеть, что имя этого человека переживёт его современников, что его песни будут исполнять спустя десятилетия и столетия, что люди разных народов станут находить в них что-то своё.

Пока же город просто жил.

Солнце поднялось над крышами. На базаре стало шумнее. Из ближайшего двора донеслась мелодия, кто-то подхватил её, а затем замолчал, прислушиваясь к продолжению. Звуки постепенно смешались с привычным городским гулом.

И всё же в этой музыке было нечто особенное.

Она не требовала внимания, не стремилась заглушить разговоры и не пыталась понравиться каждому. Она словно напоминала людям о том, что за ежедневными заботами существует ещё одна жизнь — та, которую человек носит внутри себя.

Возможно, именно поэтому в Тифлисе так любили песни.

Здесь умели смеяться над неудачами, спорить из-за пустяков, устраивать пиры по самым неожиданным поводам и влюбляться так, будто до конца света оставалось всего несколько дней.

А потом наступал вечер, зажигались огни, и город начинал звучать иначе.

Тогда уже не торговцы задавали ему тон. Говорили музыканты, певцы и рассказчики. И среди них был человек, которому предстояло соединить в своих песнях радость и печаль, земную любовь и духовную тоску, озорство и мудрость.

Но пока его история ещё не началась.

Пока перед нами был только Тифлис — город, который умел смеяться, любить и петь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЛИЦЫ, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ ПЕСНИ

Глава первая. Утро над Курой

Утро выдалось ясным и тёплым. Над городом ещё держалась лёгкая прохлада ночи, но солнце уже касалось верхушек домов, золотило стены старых построек и отражалось в воде Куры. Река несла свои мутноватые воды между берегами, словно торопилась куда-то по важному делу, о котором никому не собиралась рассказывать.

На одном из берегов, неподалёку от торговых рядов, стоял невысокий дом с деревянной галереей. Дом принадлежал купцу Артёму Меликяну, человеку состоятельному, но не настолько богатому, чтобы позволить себе не считать деньги. Он торговал тканями, привозил из дальних краёв пряности, иногда занимался посредничеством между приезжими купцами и местными торговцами. Своё дело он знал хорошо, людей понимал ещё лучше, а вот собственную семью считал самым непредсказуемым предприятием в жизни.

Особенно беспокоила его дочь Мариам.

Девушке недавно исполнилось двадцать лет. Она была хороша собой, но не принадлежала к числу тех красавиц, которые целыми днями рассматривают себя в зеркале и ждут, когда очередной поклонник сочинит им похвалу. Мариам любила читать, хорошо разбиралась в музыке и обладала редкой способностью замечать то, что другие предпочитали не замечать. Она могла долго молчать, внимательно слушая собеседника, а потом произнести одну фразу, после которой тому приходилось заново обдумывать всё сказанное.

Отец считал эту особенность недостатком.

— Женщине, — говорил он, — не обязательно спорить с каждым человеком, который ошибается.

— А если он ошибается слишком часто? — однажды спросила Мариам.

С тех пор Артём старался не заводить с дочерью разговоров о человеческих заблуждениях.

В это утро девушка стояла на галерее и смотрела на реку. Внизу, у самой воды, несколько мальчишек пытались вытащить из мелководья небольшую деревянную лодку. Один тянул за верёвку, второй толкал её плечом, третий давал советы, не принимая никакого участия в работе. Судя по выражениям их лиц, дело продвигалось не слишком успешно.

Мариам улыбнулась.

— Если бы они меньше советовали друг другу и больше помогали, лодка уже давно была бы на берегу, — сказала она.

— Ты опять занимаешься чужими делами? — раздался за её спиной голос отца.

Артём Меликян вышел на галерею, застёгивая верхнюю пуговицу кафтана. Он был невысок, плотен, с аккуратно подстриженной бородой и внимательными глазами человека, который привык оценивать собеседника прежде, чем тот успеет закончить первую фразу.

— Я просто смотрю, отец.

— Вот именно. Ты слишком много смотришь и слишком мало думаешь о том, что тебе действительно необходимо.

Мариам повернулась к нему.

— А что мне необходимо?

— Например, подумать о будущем.

— Я думаю.

— Не похоже.

— Наверное, потому, что я не всегда сообщаю тебе о своих мыслях.

Купец посмотрел на дочь с подозрением. Он чувствовал, что разговор принимает нежелательное направление, и решил вернуться к более практическим вопросам.

— Сегодня к нам придёт один человек. Его зовут Геворг. Сын хорошего торговца, воспитанный молодой человек, с приличным состоянием и серьёзными намерениями.

— И что он намерен приобрести?

— Мариам!

— Прости, отец. Я подумала, что речь идёт о торговле.

Артём тяжело вздохнул.

— Ты можешь хотя бы сегодня не превращать всё в шутку?

— Могу. Но тогда мне придётся очень постараться.

Купец хотел ответить, однако внизу послышался голос управляющего. Тот сообщал, что в лавке уже ждут первые покупатели. Артём бросил на дочь последний укоризненный взгляд и направился к лестнице.

— И помни: вечером будь дома.

— Я ведь почти всегда дома.

— Вот именно. Не хотелось бы, чтобы сегодня это правило изменилось.

Когда отец ушёл, Мариам ещё некоторое время смотрела ему вслед. Она любила его, несмотря на все его попытки устроить её жизнь по собственному разумению. Артём был человеком не злым. Он просто искренне верил, что счастье можно обеспечить заранее, если правильно выбрать дом, состояние и семейные связи.

Мариам же подозревала, что в этом деле существует немало обстоятельств, которые не поддаются купеческому расчёту.

В соседнем доме тем временем происходили события совершенно иного свойства.

Там жил Сулейман, торговец вином, человек весёлый, шумный и чрезвычайно уверенный в собственной привлекательности. Он был лет сорока пяти, носил пышные усы, любил хорошие застолья и обладал удивительной способностью оказываться в центре любого разговора, даже если его туда никто не приглашал.

Сулейман утверждал, что в молодости пользовался необыкновенным успехом у женщин. Его жена, услышав подобные заявления, обычно отвечала, что в молодости он пользовался главным образом чужим терпением. Но Сулейман не обижался. Он считал семейные препирательства необходимой приправой к супружеской жизни.

В это утро он стоял у дверей своего дома и пытался объяснить соседскому мальчику, почему тот должен доставить небольшую корзину на базар.

— Запомни, Гиви, поручение нужно выполнять быстро, внимательно и с уважением.

— А если корзина тяжёлая?

— Тогда особенно быстро.

— А если я устану?

— Значит, будешь отдыхать после выполнения поручения.

Мальчик посмотрел на него с таким выражением, будто только что обнаружил в устройстве мира серьёзную несправедливость.

— Дядя Сулейман, а почему вы сами не отнесёте?

— Потому что я занят важными делами.

— Какими?

— Размышляю.

— О чём?

Сулейман на мгновение задумался.

— О том, как правильно воспитывать молодёжь.

Гиви взял корзину и ушёл, явно не разделяя восторга по поводу этой педагогической системы.

Сулейман проводил его взглядом и поправил усы. Затем заметил проходившего мимо старого знакомого, торговца по имени Давид.

— Давид! Куда спешишь?

— На базар.

— А я думал, ты уже разбогател и больше не нуждаешься в работе.

— Если бы я разбогател, Сулейман, то первым делом перестал бы разговаривать с тобой по утрам.

— Значит, судьба пока оставляет тебя бедным.

Оба рассмеялись и пошли дальше вместе.

Улица постепенно оживала. Из дверей лавок выносили товар, на верёвках развешивали ткани, кувшины выставляли на солнце. Пахло свежим хлебом, виноградом, пряностями и дымом очагов. Где-то неподалёку женщина звала ребёнка, а тот делал вид, что не слышит. На перекрёстке двое погонщиков спорили о дороге, по которой следовало провести животных, и каждый был убеждён, что другой совершенно не понимает устройства города.

Тифлис принимал новый день.

И всё же в этом утре было что-то необычное.

Об этом первым догадался старик по имени Авак, державший небольшую мастерскую музыкальных инструментов. Он работал неподалёку от торговых рядов, изготавливал и ремонтировал саз, тар, кеманчу и другие инструменты, названия которых многие прохожие произносили с почтительным видом, хотя не всегда могли отличить один от другого.

Авак был человеком молчаливым, но не угрюмым. Он любил музыку, уважал ремесло и не терпел людей, которые рассуждали об искусстве, не имея о нём никакого представления.

В его мастерской всегда пахло древесиной, клеем и лаком. На стенах висели инструменты, некоторые из которых были почти готовы, другие ожидали ремонта. Авак мог часами работать над одной деталью, добиваясь нужного звучания, и при этом не замечать, что давно пропустил обед.

В это утро он сидел у открытой двери и настраивал струны одного из инструментов, когда мимо прошёл молодой человек.

Одет он был просто, но опрятно. На плече висел небольшой дорожный мешок. Походка у него была неторопливая, взгляд внимательный. Он остановился возле мастерской, прислушался и улыбнулся.

— Не совсем так, уважаемый мастер, — произнёс он.

Авак поднял голову.

— Что именно не так?

— Звук. Одна струна словно не хочет соглашаться с остальными.

Старик внимательно посмотрел на незнакомца.

— А ты, значит, умеешь убеждать струны?

— Иногда. Но чаще они убеждают меня, что я ещё многого не знаю.

Авак невольно улыбнулся.

— Подойди.

Молодой человек вошёл в мастерскую. Старик протянул ему инструмент.

— Попробуй.

Тот осторожно взял его, коснулся струн и сыграл несколько коротких фраз. Мелодия была негромкой, но в ней чувствовалась необычная лёгкость. Казалось, музыкант не столько извлекал звуки, сколько разговаривал с инструментом, задавая ему вопросы и терпеливо ожидая ответа.

Авак слушал молча.

— Ты музыкант? — спросил он наконец.

— Стараюсь им быть.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Старик вернул инструмент себе.

— Как тебя зовут?

Молодой человек слегка поклонился.

— Скажем так: человек, который любит слушать.

— Таких в городе много.

— Но не все умеют молчать, когда следует слушать.

Авак рассмеялся.

— Хорошо сказано. Только не думай, что красивыми словами можно получить хорошую струну бесплатно.

— Я и не надеялся. У вас слишком честное лицо для подобных надежд.

— А у тебя слишком ловкий язык. С таким языком можно и без музыки заработать на жизнь.

— Боюсь, тогда я лишусь самого интересного занятия.

Мастер ещё раз внимательно посмотрел на незнакомца. Он не стал расспрашивать его дальше, но предложил присесть. Молодой человек поблагодарил и остался у двери.

Через несколько минут мимо мастерской прошла группа торговцев. Один из них громко рассказывал о приезжем купце, другой возражал, третий утверждал, что знает всю историю гораздо лучше, поскольку лично слышал её от человека, который присутствовал при событиях.

Молодой музыкант слушал их с улыбкой.

— Забавный город, — заметил он.

— Почему? — спросил Авак.

— Здесь каждый знает правду, но у каждого она немного своя.

— Это не особенность города. Это особенность людей.

— Тогда Тифлис просто собрал их в одном месте.

Авак снова рассмеялся.

Вскоре незнакомец поднялся, поблагодарил мастера и вышел на улицу. Он направился к реке, где утреннее солнце уже ярко освещало воду. Над берегом слышались голоса лодочников, а неподалёку несколько мальчишек всё ещё занимались своей лодкой. Теперь к ним присоединился ещё один, и работа неожиданно пошла быстрее.

Молодой человек остановился, посмотрел на них и негромко произнёс:

— Вот видите. Иногда достаточно одного человека, который не советует, а помогает.

Мальчишки не услышали его. Они были слишком заняты победой над непослушной лодкой.

Музыкант продолжил путь.

Он ещё не знал, что этот день принесёт ему несколько встреч, одна из которых окажется значительно важнее, чем можно было предположить. Не знал он и того, что в соседнем квартале уже обсуждают его появление, хотя никто из говоривших пока не был уверен, кто именно этот молодой человек.

Но Тифлис редко оставлял незнакомцев незамеченными. Особенно если незнакомец умел играть. А когда он ещё и обладал острым языком, город начинал присматриваться к нему с особым интересом.

Глава вторая. Город тысячи голосов

К полудню Тифлис окончательно вступил в свои права. Утреннюю прохладу сменило тепло, улицы наполнились людьми, а торговые ряды превратились в настоящий театр человеческих характеров. Здесь каждый что-нибудь продавал, покупал, предлагал, требовал или доказывал. Даже те, кто пришёл просто поглазеть, через несколько минут обнаруживали, что уже участвуют в каком-нибудь споре.

На базаре можно было услышать самые невероятные истории. Один купец рассказывал о путешествии, во время которого якобы встретил человека, способного предсказывать погоду по поведению ослов. Другой уверял, что видел в Персии коня, который понимал человеческую речь лучше некоторых чиновников. Третий, не желая уступать соперникам в красноречии, заявил, что его собственный дед однажды беседовал с самим ветром.

— И что же сказал ему ветер? — поинтересовался кто-то из слушателей.

— Что ему пора домой, потому что дед мой слишком много разговаривает.

Смех прокатился по торговому ряду.

Сулейман, оказавшийся неподалёку, немедленно присоединился к веселью. Он вообще считал, что хороший разговор не должен проходить без его участия, а если в разговоре имелась возможность блеснуть остроумием, то отсутствие Сулеймана следовало считать недоразумением.

Он остановился возле прилавка, где торговали сушёными фруктами, и обратился к хозяину:

— Почтенный, дай мне попробовать твоих абрикосов.

— Попробуй.

Сулейман взял один, внимательно осмотрел его и отправил в рот.

— Превосходно! Дай ещё.

— Сколько?

— Я же сказал: попробовать.

— Ты уже попробовал.

— Но я ещё не понял, насколько они превосходны.

Продавец посмотрел на него с таким выражением, будто только сейчас осознал, что торговля требует не только товара, но и терпения. Сулейман тем временем взял второй абрикос.

— Вот теперь понял, — объявил он. — Очень хорошие. Но цена у тебя слишком высокая.

— Тогда не покупай.

— Как же не купить, если товар хороший? Надо только исправить небольшую несправедливость в цене.

— А кто её допустил?

— Ты, конечно. Но я человек мирный и готов помочь тебе исправиться.

Продавец протянул руку за корзиной, однако Сулейман уже отступил, смеясь.

— Не сердись! Я ещё вернусь, когда ты станешь добрее к покупателям.

— А ты возвращайся, когда научишься платить!

— Видишь, — сказал Сулейман проходившему мимо Давиду, — какой сегодня трудный народ. Даже поговорить спокойно не дают.

Давид только покачал головой.

— Тебе бы самому когда-нибудь попробовать продавать товар. Тогда ты понял бы, почему торговцы не любят бесплатных собеседников.

— Я и так много лет продаю вино. И уверяю тебя, бесплатных собеседников там ещё больше.

Они направились к небольшой чайной, расположенной неподалёку от торговых рядов. Там обычно собирались люди, которым не требовалось особого повода, чтобы провести вместе несколько часов. Одни обсуждали новости, другие играли в нарды, третьи слушали рассказы приезжих. Иногда сюда заходили музыканты, и тогда обычный разговор незаметно превращался в маленькое представление.

В этот день в чайной было особенно многолюдно.

За одним столом спорили о качестве привезённого шёлка, за другим обсуждали последние придворные новости. У окна сидели двое стариков, которые, казалось, знали друг друга всю жизнь и потому давно перестали слушать то, что каждый из них говорил. Они просто продолжали разговор по привычке.

Сулейман выбрал свободное место и заказал напиток.

— Сегодня город необыкновенно разговорчив, — заметил Давид.

— Он всегда такой.

— Но сегодня говорят о новом музыканте.

Сулейман оживился.

— О каком ещё музыканте?

— Молодом. Говорят, появился недавно. Хорошо играет, сочиняет песни.

— В Тифлисе много музыкантов.

— Этот, говорят, необычный.

— Все необычные, пока не попросишь их сыграть за деньги, — заметил Сулейман.

Давид улыбнулся.

— А ты, как всегда, судишь об искусстве с точки зрения торговли.

— Ничего плохого в торговле нет. Если человек хорошо поёт, ему следует хорошо платить. Если плохо — следует платить меньше. В этом и заключается справедливость.

— А если он поёт о любви?

— Тогда цена зависит от того, чья это любовь и кто за неё платит.

Давид рассмеялся.

Разговор продолжался, когда в чайную вошёл тот самый молодой человек, которого утром встретил мастер Авак.

Он остановился у двери, оглядел помещение и, заметив свободное место, направился к нему. На плече по-прежнему висел дорожный мешок. Вид у него был спокойный, но внимательный. Он словно старался не упустить ни одного звука, ни одного движения, ни одного выражения лица.

Хозяин чайной приветствовал его и предложил присесть.

— Ты у нас впервые? — спросил он.

— Впервые сегодня.

— Значит, ещё не успел познакомиться с городом.

— Я уже познакомился с некоторыми его жителями.

— И какое впечатление?

Молодой человек оглянулся на соседние столы.

— Пока не могу сказать. Боюсь, что окончательное мнение придётся отложить до вечера.

Хозяин рассмеялся и принёс ему чашку.

Сулейман, услышав разговор, повернулся.

— Молодой человек, если тебе нужно узнать город, садись к нам. Мы расскажем всё, что следует знать о Тифлисе.

— А если мне нужно узнать только правду?

Сулейман на секунду задумался.

— Тогда тебе придётся обратиться к кому-нибудь другому.

Давид улыбнулся и пригласил незнакомца к их столу.

— Не слушай его. Он рассказывает много, но не всегда понимает, что именно.

— Зато слушатели редко жалуются на скуку, — возразил Сулейман.

Молодой человек пересел к ним.

— Меня зовут Давид, — представился торговец. — А это наш общий знакомый Сулейман. Он торгует вином и советами, хотя второе у него получается значительно лучше первого.

— Потому что советы не портятся, — заметил Сулейман.

— Иногда они портят жизнь тем, кто им следует.

— Это уже зависит от слушателя.

Молодой человек рассмеялся.

— Рад знакомству. Я пока не успел обзавестись здесь большим числом друзей.

— Это поправимо, — заявил Сулейман. — Главное, не вступай в споры с местными торговцами. Они опасные люди.

— А с кем же тогда можно спорить?

— С нами. Мы привыкли.

— И часто побеждаете?

— Разумеется.

Давид покачал головой.

— Не верь ему. Сулейман считает победой даже тот случай, когда собеседник просто уходит, чтобы больше его не слушать.

— Значит, я умею добиваться результата, — невозмутимо ответил тот.

За соседним столом кто-то засмеялся, услышав последние слова. Вскоре разговор зашёл о музыке. Давид рассказал, что накануне вечером в одном из домов устраивали небольшое семейное торжество и приглашённый певец исполнял старинные песни.

— Хорошо пел? — спросил молодой человек.

— Очень хорошо. Только хозяин дома был недоволен.

— Почему?

— Певец слишком долго исполнял одну песню.

Сулейман вмешался:

— Я бы тоже был недоволен. На празднике должно быть весело, а не так, чтобы гости успели состариться до окончания песни.

— Но песня была печальная, — пояснил Давид.

— Тем более! Печалиться лучше коротко.

Молодой человек задумчиво посмотрел на него.

— А если человек не может коротко печалиться?

— Значит, ему надо найти хорошую компанию.

— И хорошее вино?

— Вот теперь ты начинаешь понимать Тифлис!

Все трое рассмеялись.

В этот момент в чайную вошёл Гиви. Он был запыхавшимся, держал в руках пустую корзину и выглядел человеком, который только что совершил большое путешествие, хотя от мастерской Сулеймана до базара было совсем недалеко.

— Дядя Сулейман!

— Что случилось? Почему такой вид?

— Я всё сделал.

— Прекрасно. А деньги?

Мальчик протянул ему несколько монет.

Сулейман пересчитал их и нахмурился.

— Здесь не хватает одной.

— Продавец сказал, что корзина стоила дороже.

— Какая корзина?

— Та, которую вы велели отнести.

Сулейман посмотрел на него, затем на Давида.

— Вот видишь, что получается, когда доверяешь молодёжи серьёзные поручения.

— А ты сам помнишь, сколько денег дал ему? — спросил Давид.

Сулейман задумался.

— Конечно, помню.

— Сколько?

— Примерно столько, сколько было необходимо.

Давид рассмеялся. Гиви воспользовался замешательством взрослых и поставил пустую корзину возле стены.

— А теперь я свободен?

— Нет, — ответил Сулейман. — Теперь ты должен объяснить, куда делась недостающая монета.

— Я отдал её продавцу.

— За что?

— За корзину.

— Но корзина была наша!

— Вот я и вернул её вам.

Сулейман открыл рот, но ничего не сказал. Давид уже смеялся так, что едва мог удержать чашку.

— Отпускай мальчика, — произнёс он наконец. — Он сегодня оказался умнее тебя.

— Это ещё не доказано, — проворчал Сулейман.

Гиви, не дожидаясь дальнейших разбирательств, быстро вышел из чайной.

Молодой музыкант всё это время наблюдал за происходящим с явным удовольствием. Он заметил, что даже в самых простых разговорах жители города умудряются находить повод для шутки. Здесь никто не стремился сохранить серьёзное выражение лица дольше, чем того требовали обстоятельства.

— Ты давно в Тифлисе? — спросил Давид.

— Нет.

— Откуда приехал?

— Был в разных местах. Но мне хотелось увидеть этот город.

— И что же ты собираешься здесь делать?

Молодой человек посмотрел на чашку.

— Слушать.

— Только слушать? — удивился Сулейман.

— Пока.

— Странное занятие. В нашем городе лучше говорить. Иначе за тебя всё расскажут другие.

— Может быть, поэтому я и хочу сначала послушать.

Давид одобрительно кивнул.

— Правильный подход. В Тифлисе человеку полезно знать, что говорят о нём за спиной.

— А если говорят правду?

— Тогда надо подумать, как исправиться.

— А если неправду?

Сулейман поднял палец.

— Тогда надо найти человека, который распространяет эту неправду, и объяснить ему, что у каждого уважающего себя горожанина есть родственники.

Давид посмотрел на него.

— Ты опять угрожаешь людям родственниками?

— Я напоминаю о семейных ценностях.

Молодой человек засмеялся.

Они ещё долго разговаривали. Постепенно выяснилось, что незнакомец хорошо знает музыку, умеет играть на нескольких инструментах и сочиняет собственные песни. Однако о себе он рассказывал мало. На прямые вопросы отвечал спокойно, но так, что после его ответа у собеседника возникало ещё больше вопросов.

— Ты, наверное, не любишь рассказывать о себе, — заметил Давид.

— Я не против. Просто не считаю, что человек должен начинать знакомство с перечисления своих достоинств.

— А с чего тогда?

— С того, чтобы дать другому возможность самому составить мнение.

Сулейман одобрительно хлопнул ладонью по столу.

— Вот это правильно! Но запомни: если будешь слишком долго ждать, пока другие составят мнение, они могут составить его совершенно неправильно.

В чайной снова раздался смех.

Когда молодой человек собрался уходить, Давид спросил:

— Ты сегодня ещё будешь здесь?

— Возможно.

— Тогда загляни к нам вечером. Мы иногда собираемся у одного знакомого. Там бывают музыканты, поэты, торговцы и люди, которые считают себя и теми и другими.

— А чем они отличаются?

— Поэты говорят, что их не понимают. Торговцы говорят, что их недооценивают. А те, кто считает себя и теми и другими, обычно требуют двойной оплаты.

Молодой человек поблагодарил за приглашение.

— Если обстоятельства позволят, я приду.

Сулейман проводил его взглядом.

— Хороший парень. Только слишком много слушает.

— А ты слишком много говоришь, — заметил Давид.

— Значит, мы могли бы стать прекрасной командой.

Вскоре молодой человек вышел на улицу. Солнце уже стояло высоко, и городская суета достигла своего полуденного размаха. Он направился в сторону ремесленных кварталов, где надеялся найти ночлег и, возможно, встретить людей, способных рассказать ему больше о местной музыкальной жизни.

На перекрёстке он услышал женский голос. Кто-то спорил с торговцем, требуя вернуть деньги за некачественный товар. Девушка стояла перед прилавком, держа в руках небольшой свёрток. Торговец, пожилой и весьма словоохотливый, объяснял ей, что товар был совершенно исправен в момент продажи, а все последующие неприятности возникли исключительно по вине покупателя.

— Вы продали мне ткань с повреждением, — сказала девушка.

— Не может быть.

— Вот оно.

— Это не повреждение. Это особенность узора.

— Тогда почему эта особенность появилась только после покупки?

Торговец развёл руками.

— Молодая госпожа, вы слишком строго судите мой товар.

— А вы слишком свободно распоряжаетесь чужими деньгами.

Молодой музыкант остановился. Девушка говорила спокойно, но в её голосе чувствовалась такая уверенность, что торговец уже начал терять прежнюю решительность.

— Уважаемый, — обратился к нему музыкант, — если узор действительно особенный, покажите его другим покупателям. Возможно, они захотят приобрести такую же ткань.

— Это не твоё дело, — буркнул торговец.

— Совершенно верно. Но если вы уверены в своём товаре, вам нечего опасаться.

Несколько прохожих остановились. Торговец посмотрел на собравшихся людей, затем на девушку и наконец предложил вернуть часть денег.

— Всю сумму, — сказала она.

— Это уже слишком!

— Тогда оставьте ткань себе.

После короткого препирательства торговец вернул деньги. Девушка забрала их, поблагодарила незнакомца и собиралась уйти.

— Вы не обязаны были вмешиваться, — сказала она.

— Я и не вмешивался. Я просто предложил торговцу возможность доказать свою правоту.

Девушка улыбнулась.

— Удобный способ помогать людям, не признаваясь в этом.

— Возможно. А вы всегда так уверенно спорите?

— Только когда уверена, что права.

— Тогда вам, должно быть, редко удаётся избежать споров.

— А вам, похоже, редко удаётся пройти мимо чужого разговора.

Он рассмеялся.

— Это случается.

Девушка внимательно посмотрела на него.

— Вы недавно в городе?

— Да.

— Тогда вам следует быть осторожнее. Здесь даже самый короткий разговор иногда заканчивается длинной историей.

— Мне говорили, что Тифлис именно этим и интересен.

— Кто говорил?

— Люди, которых я встретил сегодня.

— Значит, вы уже успели познакомиться с городом.

— Только с его голосами.

Девушка на мгновение задумалась, словно хотела что-то спросить, но передумала.

— Тогда желаю вам услышать и его музыку.

Она слегка поклонилась и направилась по улице.

Молодой человек проводил её взглядом. В её манере держаться было что-то необычное: она не старалась привлечь внимание, не искала одобрения и не боялась высказывать своё мнение. Он подумал, что в этом городе ему ещё предстоит встретить немало интересных людей.

Он не знал, что девушка была дочерью купца Артёма Меликяна. И уж тем более не мог предположить, что их сегодняшняя встреча станет началом истории, в которой окажется немало недоразумений, неожиданных поворотов и человеческих испытаний.

А Тифлис тем временем продолжал говорить.

Кто-то торговался, кто-то спорил, кто-то пел. На соседней улице мастер Авак принимал очередного посетителя, в чайной Сулейман уже рассказывал Давиду новую историю, а у реки мальчишки наконец вытащили свою лодку на берег.

Город не знал покоя, но в его шуме уже начинала складываться мелодия, которую пока никто не мог услышать целиком.

Глава третья. Человек с музыкальным инструментом

В тот вечер мастерская Авака закрылась позже обычного. Старик не любил торопиться, особенно когда дело касалось музыкальных инструментов. Он мог отказать богатому заказчику, если тот требовал закончить работу к определённому часу, но никогда не отпускал инструмент, пока не убеждался, что тот звучит так, как должен.

— Музыка не терпит спешки, — говорил он своим ученикам. — Человек может торопиться, потому что ему нужно куда-то идти. Инструмент торопиться не должен. У него своя дорога.

В мастерской горела небольшая лампа. На столе лежали тонкие деревянные заготовки, инструменты, мотки струн и несколько листов бумаги с размерами. Авак закончил работу над небольшим сазом и теперь проверял его звучание. Он провёл пальцами по струнам, прислушался, поправил колок и снова сыграл.

Звук получился чистым.

— Вот теперь можно разговаривать, — удовлетворённо произнёс он.

— С кем? — спросил ученик, молодой парень по имени Микаэл.

— С тем, кто умеет слушать.

— А если никто не умеет?

— Тогда играй для себя. Но не слишком долго. Человек, который играет только для себя, однажды перестаёт понимать, зачем ему музыка.

Микаэл хотел что-то ответить, но в дверь постучали.

На пороге стоял молодой музыкант, которого Авак встретил утром. Он держал в руках небольшой инструмент, завёрнутый в ткань.

— Ты опять? — спросил мастер.

— Если вы не возражаете.

— Я возражаю против многих вещей, но не против хороших посетителей. Входи.

Молодой человек поздоровался с Микаэлом и положил свёрток на стол.

— Мне сказали, что вы можете посмотреть инструмент.

— Кто сказал?

— Один человек на базаре.

— А что с ним?

— Он звучит не так, как прежде.

Авак осторожно развернул ткань. Перед ним оказался инструмент, который требовал внимательного осмотра. Старик провёл рукой по корпусу, проверил струны, заглянул внутрь.

— Где ты его приобрёл?

— Он давно у меня.

— Значит, ты не первый его хозяин?

— Нет. Он достался мне от человека, который очень любил музыку.

Авак поднял глаза.

— А ты?

— Я тоже.

— Это ещё предстоит проверить.

Мастер уселся за стол и принялся за работу. Молодой человек не мешал ему, лишь время от времени отвечал на вопросы. Постепенно выяснилось, что инструмент побывал в нескольких городах, пережил долгие дороги и, вероятно, не раз подвергался небрежному обращению.

— Его надо привести в порядок, — заключил Авак. — Но это займёт время.

— Я не тороплюсь.

— Хорошо. А теперь скажи, что ты собираешься играть в Тифлисе?

— То, что захочется людям услышать.

Старик усмехнулся.

— Опасный ответ. Люди часто хотят услышать совсем не то, что им необходимо.

— Тогда придётся искать слова и мелодии, которые помогут им понять разницу.

Авак посмотрел на него внимательнее.

— Ты говоришь так, будто уже знаешь, что такое человеческая душа.

— Нет, мастер. Я только пытаюсь понять её.

— Это занятие на всю жизнь.

— Другого у меня пока нет.

Микаэл, до этого молча наблюдавший за разговором, наконец вмешался:

— А ты умеешь сочинять песни?

— Иногда получается.

— А о чём ты поёшь?

— О людях.

— О каких?

— О тех, кого встречаю. О тех, кого теряю. О тех, кто любит, и о тех, кто не знает, что делать со своей любовью.

Микаэл улыбнулся.

— Значит, у тебя много работы.

— В этом городе, похоже, особенно много.

Авак закончил осмотр инструмента и отложил его в сторону.

— Приходи завтра. Я скажу, что можно сделать. А сегодня сыграй нам что-нибудь.

Молодой человек немного помедлил.

— Здесь?

— А где же ещё? В моей мастерской инструменты должны работать, а не висеть на стенах для украшения.

Он взял другой саз, проверил настройку и устроился на скамье. Первые звуки прозвучали негромко. Мелодия была простой, но в ней ощущалась внутренняя собранность. Она словно начиналась с вопроса, затем на мгновение замирала и продолжалась уже с другим настроением.

Микаэл перестал заниматься своей работой.

Авак сидел неподвижно. Он слушал не только мелодию, но и то, как музыкант обращался с инструментом. В его игре не было желания показать собственное мастерство. Он словно хотел передать слушателям нечто, что давно жило в нём и не находило другого выхода.

Когда музыка закончилась, в мастерской некоторое время сохранялась тишина.

— Хорошо, — сказал наконец Авак.

Молодой человек улыбнулся.

— Только хорошо?

— А ты ожидал, что я упаду на колени?

— Нет, мастер. Я бы испугался.

Старик рассмеялся.

— У тебя есть чувство юмора. Это полезно. Особенно если собираешься заниматься музыкой.

Микаэл всё ещё смотрел на гостя.

— Ты сам сочинил эту мелодию?

— Да.

— А слова?

— Они ещё не готовы.

— Как же так? Сначала музыка, потом слова?

— Иногда музыка приходит раньше. А иногда слова уже давно живут внутри, но музыка никак не хочет их принять.

Авак одобрительно кивнул.

— Верно. Не заставляй одну служить другой. Пусть они встретятся сами.

Вскоре молодой человек попрощался и вышел. На улице уже темнело. Вечерний Тифлис постепенно менял свой облик. Торговцы закрывали лавки, в окнах зажигались огни, из домов доносились запахи ужина. На перекрёстках ещё встречались прохожие, но прежняя дневная суета понемногу уступала место вечерним разговорам.

Музыкант направился в сторону квартала, где, по словам Давида, находилось место вечерних встреч.

Он не знал, кто именно будет там присутствовать, и не особенно стремился узнать заранее. Ему нравилось встречать людей без предварительных представлений о них. Иногда первое впечатление мешало услышать самое важное.

В небольшом доме, куда он пришёл, уже собрались гости. Хозяином был человек по имени Захар, занимавшийся торговыми делами и любивший принимать у себя музыкантов, поэтов и путешественников. Дом не отличался роскошью, но в нём всегда находилось место для нового гостя. За большим столом сидели несколько мужчин, неподалёку беседовали женщины. На стенах висели ковры, на полках стояли кувшины и медная посуда.

Давид заметил молодого музыканта первым.

— А вот и наш сегодняшний знакомец!

Сулейман поднялся со своего места.

— Я уже начал думать, что ты испугался нашей компании.

— Я просто хотел убедиться, что вы действительно существуете, а не являетесь одной из городских легенд.

— Легендой здесь являюсь я, — важно заявил Сулейман. — Остальные пока только претендуют.

Давид представил гостя хозяину. Захар приветливо поздоровался, предложил место и пригласил к столу.

Вечер проходил оживлённо. Обсуждали торговлю, новости, семейные дела, рассказывали о приезжих. Кто-то вспомнил недавнее торжество, кто-то заговорил о предстоящем празднике. Вскоре разговор перешёл к музыке.

— В нашем городе, — сказал Захар, — музыкантов хватает. Но хороших певцов всегда мало.

— Потому что хороших слушателей ещё меньше, — заметил один из гостей.

— Тогда получается, что певцы и слушатели одинаково виноваты, — вмешался Сулейман. — Надо бы устроить между ними соревнование.

— И кто победит?

— Тот, кто первым сумеет убедить другого заплатить за ужин.

Все засмеялись.

Захар обратился к молодому гостю:

— Давид говорил, что ты умеешь играть.

— Немного.

— Не скромничай. В нашем городе это не всегда полезно. Если человек умеет что-нибудь хорошо, он должен позволить другим это услышать.

Музыкант согласился. Ему подали инструмент, и вскоре разговоры стихли.

Он исполнил несколько мелодий. Одни были лёгкими, почти танцевальными, другие — задумчивыми. В них чувствовалось влияние разных музыкальных традиций, но ни одна не казалась простой копией чужой манеры. Он словно собирал услышанное в дороге, пропускал через собственное восприятие и возвращал миру уже в новом звучании.

Одна из женщин тихо попросила исполнить что-нибудь весёлое.

— Сегодня у нас и без того слишком много серьёзных лиц, — сказала она.

— Тогда придётся помочь им исправиться, — ответил музыкант.

Он сыграл живую, задорную мелодию. Несколько человек начали отбивать ритм ладонями, кто-то подхватил припев. Сулейман, не удержавшись, поднялся и сделал несколько танцевальных движений. Получилось у него настолько неожиданно, что гости разразились смехом.

— Осторожнее! — крикнул Давид. — Не повреди пол!

— Пол должен гордиться, что на нём танцует такой человек!

— Пол уже просит заменить несколько досок, — заметил Захар.

Сулейман сделал вид, что не услышал, и продолжил танцевать.

Вечер становился всё веселее. Но когда музыка смолкла, один из гостей попросил молодого певца рассказать, откуда он родом и почему оказался в Тифлисе.

Тот немного подумал.

— Я много путешествовал. Встречал людей разных народов, слышал разные языки, учился у музыкантов и поэтов. Но нигде не чувствовал себя окончательно дома.

— А здесь чувствуешь? — спросил Захар.

— Пока не знаю.

— Значит, надо пожить подольше.

— Возможно.

Сулейман снова вмешался:

— Я могу устроить тебе прекрасное знакомство с городом. У меня есть родственники почти в каждом квартале.

— И все они рады тебя видеть? — спросил Давид.

— Разумеется.

— Тогда почему они никогда не приглашают тебя?

— Потому что знают, что я не нуждаюсь в приглашениях.

Музыкант рассмеялся вместе со всеми.

Позднее, когда гости немного разошлись по комнатам, он вышел во двор. Ночь была тёплой. Над крышами виднелось звёздное небо, а где-то вдали слышались голоса запоздалых прохожих.

Он остановился возле стены и прислушался.

В Тифлисе даже ночная тишина не была полной. Город продолжал жить за закрытыми дверями, в разговорах, в воспоминаниях, в надеждах и тревогах. В одном доме кто-то укладывал ребёнка спать, в другом молодые люди ещё не хотели расставаться после долгой встречи. Где-то спорили супруги, а где-то старик рассказывал внуку историю, которую тот слышал уже много раз.

Музыкант достал небольшой лист бумаги и что-то записал.

Вскоре во двор вышел Захар.

— Не спится?

— Иногда мысли приходят именно тогда, когда им никто не мешает.

— О чём пишешь?

— Пока не знаю. Может быть, о городе.

— О Тифлисе?

— О людях, которые в нём живут.

Захар посмотрел на него.

— Тогда тебе понадобится много бумаги.

— Я уже начинаю это понимать.

Хозяин улыбнулся и вернулся в дом.

Молодой человек остался во дворе ещё на некоторое время. Он думал о встречах прошедшего дня, о мастере Аваке, о Давиде и Сулеймане, о девушке, которую встретил возле торгового ряда. В её словах и взгляде было что-то, что продолжало занимать его мысли.

Он пока не знал её имени.

Но иногда человеку достаточно одной короткой встречи, чтобы незнакомый город перестал казаться чужим.

В эту ночь Тифлис спал неспокойно. Где-то лаяли собаки, где-то хлопнула дверь, над рекой поднимался лёгкий туман. А в небольшом доме ещё долго горела лампа, возле которой молодой музыкант записывал первые строки новой песни.

Ему предстояло многое узнать о городе. И городу предстояло узнать его.

Глава четвёртая. Лавка, в которой продавали не только ткани

Артём Меликян считал, что утро следует начинать с полезных занятий. По его мнению, человек, который первым делом после пробуждения начинает размышлять о любви, погоде или смысле жизни, рискует провести весь день без всякой пользы. Сам купец предпочитал проверять счета, узнавать о прибывших товарах и выяснять, не произошло ли за ночь чего-нибудь такого, что могло повлиять на цены.

В тот день он пришёл в лавку раньше обычного.

Помещение располагалось на оживлённой торговой улице. С улицы оно казалось небольшим, но внутри имелось достаточно места для рулонов тканей, сундуков с товаром и нескольких посетителей. На полках лежали образцы шёлка, хлопка и шерсти, привезённые из разных мест. В углу стоял низкий столик, за которым Артём принимал постоянных покупателей и вёл переговоры с поставщиками.

Управляющий, пожилой Ованес, уже занимался раскладкой товара.

— Что нового? — спросил хозяин.

— Прибыл человек из Гянджи. Привёз ткани, но просит за них слишком много.

— Все просят слишком много. Это ещё не новость.

— Говорит, что качество необыкновенное.

— Тогда пусть сначала покажет качество, а потом рассказывает о его необыкновенности.

Ованес достал из сундука небольшой свёрток и развернул его на столе. Ткань действительно была хорошей. Артём провёл ладонью по поверхности, внимательно осмотрел края и проверил прочность нитей.

— Сколько хочет?

Ованес назвал цену.

Купец недовольно покачал головой.

— За такие деньги я могу купить товар в другом месте.

— Он говорит, что дешевле не продаст.

— Значит, сегодня он уйдёт домой с товаром.

В этот момент в лавку вошёл молодой человек. Он поздоровался, оглядел помещение и остановился возле прилавка.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — ответил Артём. — Что желаете?

— Пока ничего. Я хотел бы узнать, не продаёте ли вы небольшие отрезы ткани для музыкального инструмента.

Купец удивился.

— Для инструмента?

— Мне нужно заменить старую обмотку. Она уже износилась.

Артём посмотрел на посетителя внимательнее.

— Музыкант?

— Можно сказать и так.

— У нас есть разные ткани. Но для музыкальных инструментов я обычно ничего не продаю.

— Тогда, возможно, вы подскажете, где можно найти подходящий материал.

Купец подозвал Ованеса и велел показать гостю несколько образцов. Молодой человек выбирал долго, внимательно рассматривая каждую ткань. В конце концов остановился на небольшом отрезе.

— Эта подойдёт.

— Хороший выбор, — заметил Артём. — Не слишком дорогая и достаточно прочная.

— Значит, вы умеете находить разумное сочетание цены и качества.

— Иначе я давно остался бы без лавки.

Молодой человек улыбнулся.

— А я думал, что торговля требует прежде всего умения убеждать.

— Убеждать можно кого угодно, но если товар плохой, покупатель второй раз не придёт.

— В музыке примерно так же.

Артём приподнял брови.

— Ты, оказывается, не только музыкант, но и философ?

— Нет, просто иногда слушаю людей, которые говорят разумные вещи.

Купец не смог скрыть улыбки. Ему понравился ответ, хотя он не собирался показывать этого незнакомцу.

Пока Ованес отмерял ткань, молодой человек заметил на стене несколько старых музыкальных изображений. На одном из них был нарисован певец с инструментом, на другом — танцующие люди.

— Красивые рисунки, — сказал он.

— Это старые вещи. Остались от прежнего владельца лавки.

— Вы давно здесь торгуете?

— Достаточно давно, чтобы знать цену каждому квадратному локтю этой улицы.

— А цену человеческой дружбы?

Артём посмотрел на него с лёгким недоумением.

— Дружба не продаётся.

— Значит, её цена выше любой ткани.

Купец рассмеялся.

— Ты умеешь разговаривать. Как тебя зовут?

Молодой человек на мгновение задержал ответ.

— Саят.

Это имя прозвучало просто, без особого ударения. Артём повторил его про себя и кивнул.

— Хорошо. Я Артём Меликян. Если понадобится ткань, приходи. Только не думай, что из-за разговоров о дружбе я стану продавать тебе дешевле.

— Я бы не хотел ставить вашу дружбу в такое затруднительное положение.

На этот раз рассмеялся даже Ованес.

Саят расплатился и собрался уходить. Но в этот момент из внутренней комнаты вышла Мариам.

Она несла небольшую корзину с бумагами и несколькими свёртками. Увидев незнакомца, она остановилась.

— Доброе утро, отец.

— Доброе, дочь. Это Саят. Музыкант. Покупал ткань для своего инструмента.

Мариам посмотрела на молодого человека.

— Мы уже встречались.

Артём удивлённо повернулся к ней.

— Когда?

— На базаре. Он помог мне вернуть деньги за испорченную ткань.

Купец нахмурился.

— Какую ещё испорченную ткань?

— Ту, которую я купила на прошлой неделе.

— Почему ты не сказала мне?

— Потому что уже разобралась с этим вопросом.

Артём перевёл взгляд на Саята.

— Значит, ты вмешался в торговый спор?

— Я лишь предложил продавцу возможность доказать качество его товара.

— И чем всё закончилось?

— Покупательница оказалась права.

Мариам улыбнулась.

— Как видишь, отец, иногда посторонний человек способен разобраться в том, что не замечает даже хозяин лавки.

Артём посмотрел на дочь с подозрением.

— Ты сегодня особенно разговорчива.

— Наверное, хорошее утро.

Саят понял, что задерживаться не следует.

— Благодарю за ткань, уважаемый Артём. И за знакомство.

— Приходи, если понадобится что-нибудь ещё.

Молодой человек поклонился и вышел.

Мариам проводила его взглядом.

— Ты его знаешь? — спросил отец.

— Теперь немного.

— Он музыкант?

— Так он сказал.

— Музыканты бывают разные. Одни умеют играть, другие умеют только рассказывать, как хорошо они играют.

— А торговцы?

— Что торговцы?

— Одни умеют продавать, другие только рассказывают, как умеют продавать.

Артём посмотрел на дочь и покачал головой.

— Ты сегодня явно решила проверить моё терпение.

— Нет, отец. Я просто хочу убедиться, что оно у тебя есть.

Он хотел ответить, но Ованес громко кашлянул, напоминая хозяину о делах. Купец вернулся к переговорам, а Мариам унесла бумаги во внутреннюю комнату.

Однако имя молодого музыканта она запомнила.

В тот же день в лавку пришёл Геворг, о котором Артём говорил дочери накануне. Это был молодой человек из состоятельной семьи, воспитанный, аккуратно одетый и чрезвычайно уверенный в том, что окружающие должны относиться к нему с уважением. Он торговал вместе с отцом, но не слишком любил проводить время в лавке. Ему больше нравились застолья, прогулки и разговоры о будущем, в которых он неизменно отводил себе главную роль.

— Артём-ага! — приветствовал он купца. — Рад видеть вас.

— Здравствуй, Геворг. Как поживает твой отец?

— Благодарит Бога. Передавал вам привет.

Они обменялись любезностями, обсудили торговые новости и перешли к делам семьи.

— Я хотел бы поговорить с вами о Мариам, — наконец произнёс Геворг.

Артём сразу стал серьёзнее.

— Слушаю.

— Вы знаете, что я давно испытываю к ней уважение и симпатию.

— Знаю.

— Мои родители не возражают против нашего знакомства. Они считают, что наши семьи могли бы стать ещё ближе.

Купец медленно кивнул.

— Это хорошее намерение. Но ты понимаешь, что решение зависит не только от родителей?

Геворг слегка удивился.

— Разумеется. Но ведь семья должна иметь своё мнение.

— Должна. Только у каждого человека есть ещё и собственное сердце.

Молодой человек улыбнулся, но в его улыбке чувствовалось некоторое беспокойство.

— Я надеюсь, что Мариам не будет против.

Артём не ответил сразу.

— Поговори с ней. Только не торопи.

Геворг согласился. Он был уверен, что сумеет найти нужные слова. До сих пор ему удавалось добиваться своего в большинстве житейских вопросов, и он не видел причины, по которой с Мариам должно быть иначе.

Вечером, когда солнце начало опускаться за крыши домов, Мариам вышла во внутренний двор. Там росло небольшое дерево, возле которого стояла деревянная скамья. Девушка любила это место. Здесь можно было побыть одной, не слышать торговых разговоров отца и спокойно читать.

Но в этот вечер её мысли возвращались к утренней встрече.

Она вспоминала спокойный голос Саята, его улыбку и то, как легко он разговаривал с людьми. В нём не было ни подобострастия, ни желания произвести впечатление. Он словно не стремился понравиться, но при этом располагал к себе.

Мариам не любила делать поспешные выводы. Она знала, что первое впечатление бывает обманчивым. Однако ей было любопытно узнать, что за человек скрывается за этой внешней простотой.

Из дома донёсся голос отца:

— Мариам! К нам пришёл Геворг.

Она закрыла книгу.

— Уже иду.

Девушка поднялась и направилась в дом. У дверей её встретил Геворг, который сразу же выпрямился и улыбнулся.

— Рад тебя видеть.

— Добрый вечер.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь.

— Благодарю.

Он сделал паузу, ожидая продолжения, но Мариам не стала ничего добавлять.

— Я давно хотел поговорить с тобой, — сказал Геворг.

— Тогда, наверное, сегодня подходящий вечер.

Он предложил пройти в комнату, где уже накрывали стол. Мариам согласилась, но разговор не складывался так легко, как рассчитывал молодой человек. Геворг говорил о семье, торговых делах, будущих поездках и планах отца. Мариам слушала вежливо, иногда задавала вопросы, но всё время чувствовала, что за словами собеседника скрывается нечто более важное.

Наконец Геворг решился:

— Мариам, ты ведь понимаешь, что я не случайно прихожу в ваш дом?

— Конечно.

— Я хотел бы, чтобы наши отношения стали серьёзнее.

Девушка спокойно посмотрела на него.

— А ты уверен, что знаешь, какими я хотела бы их видеть?

Геворг замялся.

— Я думал, что мы могли бы лучше узнать друг друга.

— Это разумное желание.

— Значит, ты не возражаешь?

— Я не возражаю против знакомства. Но не хочу, чтобы за меня заранее решили, чем оно должно закончиться.

Молодой человек слегка покраснел.

— Я не собирался тебя принуждать.

— Тогда нам будет легче разговаривать.

Геворг попытался улыбнуться.

— Ты всегда так серьёзна?

— Нет. Иногда я бываю очень весёлой.

— Я бы хотел это увидеть.

— Тогда тебе придётся чаще слушать, а не только говорить.

Он не сразу понял, шутит она или говорит совершенно серьёзно.

Вечер продолжался, но Геворг уже не чувствовал себя таким уверенным. Он привык к тому, что его внимание воспринимали как знак особой благосклонности. Мариам же относилась к нему без враждебности, но и без той заинтересованности, на которую он рассчитывал.

Когда гость ушёл, Артём спросил дочь:

— Ну что скажешь?

— Он хороший человек.

— И всё?

— А что ещё ты хочешь услышать?

— Ты могла бы дать ему шанс.

— Я и не отказываюсь с ним разговаривать, отец. Но разве этого недостаточно для начала?

Купец задумался.

— Ты слишком много думаешь.

— А ты слишком часто принимаешь решение до того, как услышишь ответ.

Артём ничего не сказал. Он любил дочь и не хотел делать её несчастной, но всё ещё верил, что со временем она поймёт преимущества разумного брака.

Мариам вернулась к себе. На столе лежала книга, рядом стояла небольшая лампа. Девушка открыла страницу, но читать не стала.

Где-то в городе звучала музыка.

Сначала она была едва слышна, затем стала отчётливее. Мелодия доносилась со стороны соседних улиц. В ней не было ничего торжественного, но она почему-то заставляла прислушиваться. Мариам подошла к окну.

Внизу проходили двое мужчин. Один нёс инструмент, другой что-то рассказывал и смеялся. Музыкант на мгновение остановился, словно прислушиваясь к собственным мыслям, и тихо сыграл несколько нот.

Мариам не могла видеть его лица, но мелодия показалась ей знакомой. Она закрыла окно не сразу.

Глава пятая. Первый спор и первая победа

В тот день Тифлис с самого утра словно предчувствовал какое-то представление. На базаре было особенно людно: торговцы громче обычного расхваливали свой товар, мальчишки сновали между рядами, а покупатели, казалось, не столько спешили за покупками, сколько искали повод задержаться и поговорить. В одном конце площади спорили о цене на шёлк, в другом — о качестве вина, а неподалёку два почтенных старика выясняли, чей сад даёт более сладкие плоды.

Сулейман, который считал себя знатоком почти всех городских дел, утверждал, что подобные споры полезны для торговли.

— Пока люди спорят, они не замечают, сколько времени проводят у прилавков, — объяснял он Давиду. — А пока проводят время, обязательно что-нибудь покупают.

— По твоей логике, — заметил Давид, — лучший торговец должен быть не продавцом, а спорщиком.

— Не исключено, — серьёзно ответил Сулейман. — Но тогда ему придётся ещё и уметь продавать. А это уже искусство посложнее.

Они направлялись к чайной, когда увидели небольшое собрание возле лавки, где продавали книги, бумагу и принадлежности для письма. Там стоял высокий мужчина с аккуратно подстриженной бородой, в добротном кафтане и с таким выражением лица, словно он только что получил известие о собственной исключительной мудрости.

Звали его Рустам-бек. Он происходил из состоятельной семьи, любил поэзию, знал несколько языков и охотно рассуждал о музыке. Последнее обстоятельство, однако, не мешало ему считать, что настоящими знатоками искусства могут быть лишь люди его круга. Простого музыканта он уважал примерно так же, как хороший инструмент: при условии, что тот не пытался рассуждать о том, как на нём играть.

Рядом с ним стоял молодой человек, которого Саят уже видел на одном из музыкальных вечеров. Тот держал в руках небольшой свёрток с бумагой и явно ожидал, что спор скоро закончится в пользу Рустам-бека.

— Я вам говорю, — произносил Рустам-бек, — музыка без правильного образования остаётся всего лишь развлечением. Человек может обладать приятным голосом, может даже уметь трогать сердца простых слушателей, но это ещё не делает его мастером.

— А что же делает? — спросил кто-то из собравшихся.

— Знание правил, понимание гармонии, знакомство с великими образцами. Наконец, происхождение и воспитание тоже имеют значение. Искусство требует достоинства.

— А сердце? — негромко спросил Саят, который подошёл к собравшимся вместе с Сулейманом и Давидом.

Рустам-бек повернулся к нему.

— Простите, молодой человек, мы, кажется, не знакомы.

— Возможно. Но я услышал ваш разговор и решил, что сердцу в нём досталось слишком мало места.

Несколько человек улыбнулись. Сулейман, почувствовав приближение интересного события, немедленно перестал изображать спешащего человека.

— Сердце, разумеется, важно, — ответил Рустам-бек. — Но одного сердца недостаточно. Если каждый станет считать себя поэтом только потому, что ему грустно или весело, мы скоро утонем в стихах.

— А если человек знает все правила, но не умеет заставить другого почувствовать ни грусть, ни радость, что тогда? — спросил Саят.

— Тогда он хотя бы понимает, что делает.

— Но понимает ли тот, кто слушает?

Рустам-бек слегка прищурился.

— Вы, я полагаю, музыкант?

— Иногда мне приходится им быть.

— И вы считаете себя знатоком поэзии?

— Нет. Я считаю себя человеком, который ещё многого не знает. Это, как мне кажется, более надёжное начало для учения.

Ответ был произнесён спокойно, без вызова. Но именно спокойствие и задело Рустам-бека. Он привык к почтительным возражениям, а не к тому, чтобы молодой незнакомец отвечал ему с такой непринуждённостью.

— Хорошо, — сказал он. — Раз уж вы заговорили об искусстве, давайте проверим вашу мысль. Что важнее в песне: слово или мелодия?

— А что важнее в человеке: голос или дыхание? — ответил Саят.

— Вы уклоняетесь от ответа.

— Напротив. Я пытаюсь объяснить, что одно без другого не всегда живёт.

— Это красивые слова, но не доказательство.

— Тогда давайте послушаем.

Саят попросил у хозяина соседней лавки разрешения присесть на деревянную скамью. Затем достал свой инструмент и несколько мгновений настраивал струны. Собравшиеся притихли. Даже мальчишки, которые до этого толкались у края толпы, перестали переговариваться.

— Я не стану исполнять известную песню, — сказал Саят. — Лучше попробую сложить несколько строк прямо сейчас. А вы решите, что в них оказалось важнее.

Он посмотрел на Рустам-бека, затем на людей, окруживших их, и тихо произнёс:

— Когда торговец хвалит ткань,

Он обещает ей века,

Но стоит ниточке порваться —

И вся краса недалека.

В толпе раздался смех. Хозяин лавки с тканями, стоявший неподалёку, даже поднял голову, словно решил проверить, не о нём ли идёт речь.

Саят продолжил, сопровождая слова простой мелодией:

— А песня, если в сердце пала,

Не просит золота взамен.

Она живёт, когда устала

Душа от собственных измен.

Последние звуки прозвучали мягко и постепенно растворились в шуме площади.

Некоторое время никто не говорил. Потом раздались аплодисменты. Не громкие, но искренние. Кто-то попросил повторить последние строки, а пожилая женщина, стоявшая возле корзины с зеленью, сказала соседке, что давно не слышала таких простых и понятных слов.

Рустам-бек не спешил выражать своё мнение.

— Вы выбрали удобную тему, — наконец произнёс он. — Ткань и песня. Это несложно. Попробуйте написать о чём-нибудь более значительном.

— Например? — спросил Саят.

— О власти. О достоинстве. О времени. О человеческой судьбе.

— Но разве ткань, которую продают на базаре, не касается человеческой судьбы? Кто-то покупает её для свадьбы, кто-то — чтобы укрыть ребёнка от холода, а кто-то отдаёт последние

деньги за красивый наряд, надеясь, что его заметят. Вещи иногда знают о людях больше, чем сами люди о себе.

Давид одобрительно кивнул. Сулейман же посмотрел на Саята с нескрываемым уважением.

— Вот это уже опасные рассуждения, — пробормотал он. — Так можно дойти до того, что и моя бочка с вином окажется философским предметом.

— Она уже давно им является, — заметил Давид. — По крайней мере, для тебя.

Толпа снова рассмеялась.

Рустам-бек понял, что разговор начинает выходить из-под его контроля. Он сделал последнюю попытку вернуть себе преимущество.

— Хорошо. Но вы всё ещё не ответили на главный вопрос. Может ли человек без образования создать настоящее искусство?

Саят не стал отвечать сразу. Он посмотрел на старого мастера, который стоял чуть поодаль и наблюдал за происходящим. Это был Авак. Он пришёл на базар по своим делам и, заметив собрание, остановился послушать.

— Спросите мастера, — предложил Саят. — Он всю жизнь делает инструменты. Наверняка знает, можно ли создать хорошую вещь, не имея за душой ничего, кроме дорогих слов.

Авак подошёл ближе. Его лицо оставалось невозмутимым.

— Хороший инструмент, — произнёс он, — не спрашивает у дерева, из какого оно дома. Я выбираю древесину по тому, как она звучит, как держит форму, как отвечает руке. Если дерево бедное, но голос у него прекрасный, я не стану отказываться от него ради красивого происхождения.

Рустам-бек взглянул на мастера, затем на Саята.

— Вы подготовились заранее, — сказал он.

— Нет, — ответил Саят. — Просто сегодня мне повезло встретить человека, который знает своё дело.

Авак едва заметно улыбнулся. Ему понравилось, что молодой музыкант не присвоил себе чужую мысль.

Толпа постепенно стала расходиться. Кто-то ещё обсуждал песню, кто-то повторял строки, а мальчишка, стоявший рядом с Сулейманом, уже пытался напевать мелодию, не особенно заботясь о точности.

Рустам-бек подошёл к Саяту, когда вокруг них почти никого не осталось.

— Вы умеете отвечать, молодой человек. Но запомните: удачный спор ещё не делает человека великим.

— С этим я согласен, — сказал Саят. — И надеюсь, что вы тоже не станете судить о человеке по одному спору.

Рустам-бек хотел что-то возразить, но передумал. Он коротко поклонился Аваку и ушёл, сопровождаемый своим молодым спутником.

Сулейман дождался, пока тот скроется за поворотом, и тут же объявил:

— Победа бесспорная! Я бы на твоём месте потребовал награду.

— Какую же? — спросил Саят.

— Хотя бы обед. Человек должен получать плату за полезные выступления. Особенно если они избавляют окружающих от необходимости слушать длинные рассуждения.

— Тогда тебе следовало бы стать поэтом, Сулейман.

— Я и так поэт, — возразил тот. — Просто мои произведения чаще всего находятся на дне кувшина.

Давид покачал головой.

— Вот теперь я понял, почему ты никогда не записываешь свои стихи. Они не переживают следующего утра.

Саят рассмеялся. Ему было приятно не столько то, что спор закончился в его пользу, сколько то, что люди слушали его не из вежливости и не из почтения к чьему-либо положению. Они откликнулись на песню, потому что узнали в ней что-то своё.

Авак задержал его возле лавки.

— Ты сегодня говорил не только о музыке, — сказал мастер. — Ты говорил о людях. Это труднее.

— А разве можно заниматься музыкой и не думать о людях?

— Можно. Но тогда музыка становится ремеслом без души.

Саят задумался.

— Ты часто говоришь так, будто знаешь обо мне больше, чем я сам.

— Нет, — ответил Авак. — Я просто достаточно стар, чтобы узнавать некоторые ошибки ещё до того, как молодые люди успевают их совершить.

— И какие же ошибки мне следует избегать?

Мастер посмотрел на него внимательно.

— Не принимай похвалу за истину. И не принимай обиду за поражение. Сегодня тебя слушали, завтра могут пройти мимо. Если станешь зависеть от каждого взгляда, однажды перестанешь слышать собственную песню.

Саят поблагодарил его и направился к площади. День клонился к вечеру, над крышами поднимался дым, а город постепенно менял дневной шум на привычное вечернее оживление.

Сулейман шёл рядом и всё ещё не мог успокоиться.

— Я думаю, Рустам-бек теперь долго не станет рассуждать о музыке при посторонних.

— Почему? — спросил Саят.

— Потому что ему придётся сначала убедиться, что поблизости нет человека, который умеет слушать. А таких в Тифлисе, как ты сегодня заметил, немало.

— Ты преувеличиваешь.

— Разумеется. Но ведь кто-то должен заниматься этим вместо тебя.

Они свернули в узкую улицу, где из открытого окна доносился женский голос. Кто-то пел старую песню, негромко и немного печально. Саят остановился, прислушался и улыбнулся.

— Хорошо поёт, — сказал он.

— А ты откуда знаешь? — удивился Сулейман. — Ты же даже не видел её.

— Для этого не обязательно видеть человека.

Сулейман посмотрел на окно, затем на Саята.

— Вот теперь я начинаю понимать, почему поэты так часто попадают в неприятности.

— Почему?

— Потому что слышат то, чего другие не слышат, а потом ещё и пытаются это объяснить.

Саят ничего не ответил. Он продолжал слушать песню, пока они не миновали дом. В его памяти уже складывались новые строки, но он не спешил их записывать. Некоторые мелодии должны были немного пожить внутри человека, прежде чем становились песнями.

В тот вечер он впервые почувствовал, что его слово может действовать не хуже музыки. Но ещё важнее было другое: Тифлис начинал отвечать ему. В голосах прохожих, в спорах торговцев, в шутках Сулеймана, в мудрости Авака и даже в упрямстве Рустам-бека он находил материал для будущих песен.

И город, казалось, был не против.

Глава шестая. Красавица с соседнего двора

В доме Артёма Меликяна утро начиналось раньше, чем в большинстве соседних домов. Хозяин любил порядок и считал, что день, начатый без спешки, непременно принесёт неприятности. Поэтому слуги уже успевали вымести двор, принести воду, приготовить завтрак

и открыть ставни, когда первые солнечные лучи только начинали касаться крыш старого Тифлиса.

Сам Артём обычно появлялся во дворе с чашкой кофе и неизменным выражением человека, которому предстоит решить множество важных вопросов. Даже если важнейшим вопросом оказывалось то, почему вчерашний приказчик перепутал два рулона ткани.

Мариам относилась к утренним заботам иначе. Она не любила, когда её день заранее раскладывали по полочкам, словно товар в отцовской лавке. У неё были собственные планы, собственные мысли и, что особенно беспокоило Артёма, собственное мнение почти обо всём.

В тот день она сидела у окна с книгой, но читала уже давно не страницы. Из соседнего двора доносились голоса, стук молотка и чей-то смех. Затем послышалась знакомая мелодия. Она была негромкой, словно музыкант играл не для слушателей, а для самого себя.

Мариам подняла голову.

Она узнала эту мелодию. Точнее, ей показалось, что узнала. В ней было что-то от той песни, которую она слышала несколько дней назад на базаре, когда незнакомый молодой человек неожиданно вмешался в спор с торговцем и помог ей вернуть деньги за испорченную ткань.

Она тогда почти не успела рассмотреть его лицо. Зато запомнила голос и манеру говорить: спокойно, с лёгкой улыбкой, без желания казаться умнее окружающих.

Мелодия оборвалась. Мариам снова посмотрела на книгу, но теперь уже окончательно потеряла нить чтения.

— Госпожа, — раздался голос служанки Нино, — вы сегодня собираетесь в лавку?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Господин Артём просил передать, что привезли новую ткань. Он хочет, чтобы вы посмотрели узоры.

— Отец считает, что я должна иметь мнение обо всех узорах, которые появляются в его лавке.

— Но разве это плохо?

— Нет, Нино. Плохо то, что он иногда хочет выбирать узор и для моей жизни.

Нино улыбнулась, но предпочла не отвечать. Она давно усвоила, что некоторые разговоры с молодой хозяйкой лучше не продолжать, если не хочешь оказаться втянутой в рассуждения, из которых нет простого выхода.

Мариам закрыла книгу и подошла к окну. Соседний двор отделяла от их дома невысокая стена. За ней находилась небольшая мастерская, принадлежавшая пожилому мастеру, который занимался ремонтом музыкальных инструментов. В последнее время возле мастерской всё чаще появлялся молодой музыкант.

Мариам не знала, как его зовут, хотя имя Саят уже слышала от отца. Артём упоминал о нём между делом, заметив, что молодой человек обладает приятными манерами и, по-видимому, не лишён ума. Для Артёма это было достаточно высокой оценкой, особенно если речь шла о человеке, не имевшем собственной торговой лавки.

Вскоре во двор вошёл сам хозяин дома.

— Мариам, ты ещё не завтракала?

— Собиралась.

— А почему сидишь у окна?

— Потому что окно находится рядом со столом.

Артём посмотрел на дочь с лёгким недоумением.

— Ты иногда отвечаешь так, будто я пришёл не завтракать, а сдавать экзамен.

— Значит, отец, ты должен радоваться. Я хотя бы проверяю твою подготовку.

Он хотел было улыбнуться, но вовремя вспомнил, что разговор касается дисциплины.

— Сегодня к нам могут заглянуть гости. Возможно, будет Геворг.

Мариам спокойно посмотрела на него.

— Он уже приходил.

— Я помню.

— И, кажется, ему понравилась наша лавка.

— Он хороший молодой человек.

— Я не спорю.

— Из достойной семьи.

— Это тоже не вызывает сомнений.

— У него есть положение, средства, связи.

— Отец, ты перечисляешь достоинства человека или составляешь опись имущества?

Артём вздохнул.

— Я просто хочу, чтобы ты понимала: не всякий день приносит человеку возможность устроить свою жизнь благополучно.

— А разве благополучие можно устроить так же, как покупку хорошего ковра?

— Не передёргивай мои слова.

— Я не передёргиваю. Я пытаюсь понять, почему разговор о моей жизни всегда начинается с чужих достоинств и так редко — с моих желаний.

Артём помолчал. Он любил дочь, но иногда чувствовал, что с каждым годом она всё меньше нуждается в его советах. Это огорчало его сильнее, чем он хотел признавать.

— Я не собираюсь заставлять тебя, — сказал он наконец. — Просто хочу, чтобы ты не совершила ошибку.

— Тогда позволь мне самой научиться отличать ошибку от правильного решения.

Он посмотрел на неё внимательнее, но спорить не стал.

В это время за стеной снова зазвучала музыка. На этот раз мелодия была веселее. Кто-то негромко напевал, а затем раздался голос Авака:

— Не торопись! Если будешь так обращаться с инструментом, он однажды ответит тебе тем же!

— Надеюсь, он будет достаточно вежлив, чтобы предупредить меня заранее, — послышался ответ.

Мариам невольно улыбнулась.

Артём заметил её улыбку.

— Что тебя развеселило?

— Ничего особенного. Кажется, в соседней мастерской сегодня хорошее настроение.

— У старого Авака настроение зависит от того, насколько аккуратно с ним разговаривают.

— А у молодого музыканта?

— Молодой музыкант, судя по всему, умеет разговаривать со стариками.

Артём направился к дому, но на пороге остановился.

— Кстати, если пойдёшь к тёте Тамаре, захвати для неё небольшой свёрток. Я обещал отправить ткань.

— Хорошо.

— Только не задерживайся.

— Постараюсь не задерживаться дольше, чем необходимо.

— Мариам!

— Уже иду, отец.

К полудню город успел наполниться привычным шумом. Мариам вышла из дома с небольшим свёртком, который предстояло передать тёте Тамаре. Она выбрала путь через узкую улицу, проходившую возле мастерской Авака.

Возле ворот стоял Саят. Он держал в руках инструмент и внимательно осматривал одну из струн. Увидев Мариам, он поднял голову.

— Добрый день, — произнёс он.

— Добрый день.

Некоторое время они смотрели друг на друга, словно оба пытались вспомнить, где именно уже встречались.

— Кажется, мы знакомы, — сказал Саят.

— Возможно. Хотя Тифлис не настолько велик, чтобы люди могли долго оставаться незнакомцами.

— Особенно если они встречаются на базаре.

Мариам улыбнулась.

— Значит, вы всё-таки меня помните.

— Помню не только вас, но и человека, который пытался продать вам ткань с таким видом, будто оказывал вам большую честь.

— А вы, кажется, помните всё, что происходит на базаре.

— Нет. Только то, что заслуживает внимания.

— Удобное качество для человека, который сочиняет песни.

Саят слегка поклонился.

— Вы знаете, что я сочиняю песни?

— Я слышала музыку из соседнего двора. Кроме того, мой отец говорил о вас.

— Надеюсь, ничего предосудительного?

— Он сказал, что вы приятный молодой человек и умеете вести себя с достоинством.

— Тогда я должен поблагодарить вашего отца. Не каждый день человек получает такую характеристику от владельца торговой лавки.

— Не обольщайтесь. Возможно, он просто хотел сказать, что вы не пытались купить ткань в долг.

Саят рассмеялся.

— В таком случае мне придётся подтвердить свою репутацию.

— А вы часто думаете о репутации?

— Только когда о ней начинают говорить другие.

Мариам посмотрела на инструмент в его руках.

— Вы сами играете на нём?

— Иногда. Но сегодня он требует больше внимания, чем я.

— Почему?

— Одна струна решила, что ей следует жить отдельно от остальных.

— И вы пытаетесь её переубедить?

— Пока безуспешно.

— Возможно, она просто хочет, чтобы её услышали.

Саят поднял глаза. В её словах была та лёгкая насмешливость, которую он уже замечал прежде.

— Тогда у неё есть кое-что общее с людьми.

— Особенно с теми, кто считает, что его не слушают.

— Вы говорите так, словно хорошо знаете подобных людей.

— Я живу в одном доме с человеком, который считает, что его дочь должна быть благодарна за каждое принятое за неё решение.

Саят не стал смеяться. Он понял, что за шуткой скрывается нечто более серьёзное.

— Ваш отец заботится о вас, — осторожно сказал он.

— Я знаю. И, наверное, именно поэтому мне иногда так трудно с ним спорить.

— Значит, он любит вас.

— Любовь не всегда помогает человеку понять другого.

Саят задумался.

— Это можно было бы превратить в песню.

— Не советую. Отец может решить, что вы посвятили её ему.

— А разве это было бы плохо?

— Для него — нет. Для меня — возможно.

Они оба улыбнулись.

В этот момент из мастерской вышел Авак.

— Саят! Ты собираешься весь день разговаривать с инструментом или всё-таки принесёшь мне ту струну?

Он заметил Мариам и почтительно поклонился.

— Добрый день, госпожа.

— Добрый день, мастер Авак.

— Ваш отец сегодня был у меня. Просил передать, что вечером может заглянуть за одним заказом.

— Я передам ему.

— И передайте, что я не забыл. Просто хорошая работа требует времени.

— Он поймёт.

Авак посмотрел на Саята, затем на Мариам. В его глазах мелькнула улыбка, но он ничего не сказал.

— Ну что ж, — произнёс он, — я оставлю вас на минуту. Только не позволяй инструменту окончательно обидеться.

— Постараюсь, мастер.

Старик вернулся в мастерскую.

Мариам уже собиралась идти дальше, но Саят неожиданно спросил:

— Вы ведь направляетесь к тёте Тамаре?

Она удивлённо посмотрела на него.

— Откуда вы знаете?

— Увидел свёрток. А ещё вчера слышал, как ваш отец говорил с приказчиком о доставке ткани в её дом. Я не подслушивал. Просто иногда стены в Тифлисе слишком хорошо проводят звук.

— Значит, вы знаете и наши семейные дела?

— Только те, которые случайно оказываются рядом с моей музыкой.

— Опасное соседство.

— Согласен. Особенно если соседи обладают таким острым языком.

— А вы, оказывается, умеете делать комплименты.

— Я пока только наблюдаю.

Мариам покачала головой.

— В таком случае наблюдайте осторожнее. В нашем городе за некоторыми наблюдениями быстро следуют слухи.

— Тогда мне придётся научиться молчать.

— Это будет для вас самым трудным испытанием.

С этими словами она направилась дальше. Саят проводил её взглядом, но не стал окликать.

Он ещё некоторое время стоял возле ворот, держа в руках инструмент. Затем посмотрел на струну и тихо рассмеялся.

— Ну что, — произнёс он, — кажется, сегодня не только ты отказываешься слушаться.

Тётя Тамара жила неподалёку, в доме с небольшим садом. Она была женщиной энергичной, любила гостей и считала, что всякое важное событие должно сопровождаться хорошим угощением. Даже обычный визит племянницы превращался у неё в маленький праздник.

— Мариам! Наконец-то! Я уж думала, отец твой решил держать тебя взаперти до самой свадьбы.

— Он пока не решился.

— Значит, ещё есть надежда.

Тамара приняла свёрток, осмотрела ткань и осталась довольна.

— Хороший выбор. Артём знает своё дело. А ты как поживаешь?

— Хорошо.

— Это ты так отвечаешь или действительно хорошо?

— А разве между этими ответами есть разница?

— Огромная. Женщина, которая говорит «хорошо» слишком быстро, обычно что-то скрывает.

Мариам рассмеялась.

— Тётя, ты видишь тайну даже в пустой чашке.

— Потому что пустая чашка всегда означает, что кто-то выпил чай и не рассказал, о чём думал.

Тамара усадила племянницу за стол и велела принести свежие фрукты. Затем, словно между прочим, спросила:

— А кто этот молодой музыкант, который теперь часто бывает возле вашей стены?

Мариам чуть не уронила виноградину.

— Какой музыкант?

— Не притворяйся. Я вчера встретила твоего отца, и он сам рассказал, что в соседней мастерской появился талантливый молодой человек.

— Отец вообще любит рассказывать о соседях.

— А этот сосед, говорят, умеет не только играть, но и спорить.

— Ты уже знаешь и об этом?

— Дорогая, в Тифлисе новости путешествуют быстрее каравана. Особенно если в них есть музыка, деньги или любовь.

— А если нет ничего из перечисленного?

— Тогда новость никому не нужна.

Мариам опустила глаза и занялась фруктами.

— Он просто знакомый мастерской Авака.

— Разумеется. А я просто женщина, которая случайно заметила, как ты улыбнулась, когда услышала его имя.

— Я не улыбалась.

— Вот теперь ты улыбаешься.

Мариам не выдержала и рассмеялась.

— Тётя, ты невозможна.

— Зато я опытна. И знаешь, что тебе скажу? Не торопись ни с симпатией, ни с отказом. Человек открывается не в тот момент, когда красиво говорит, а когда приходится выбирать, как поступить.

Эти слова Мариам запомнила. Тамара редко рассуждала о жизни, но если уж начинала, в её словах обычно находилось больше здравого смысла, чем в длинных наставлениях других людей.

Когда Мариам возвращалась домой, солнце уже клонилось к крышам. У ворот соседнего двора она снова увидела Саята. Теперь он сидел на низкой скамье и что-то записывал в небольшую тетрадь.

Услышав шаги, он поднял голову.

— Вы уже вернулись?

— Как видите.

— Значит, дорога оказалась недолгой.

— Или я просто не задерживалась.

— Это одно и то же?

— Для человека, который любит задавать вопросы, вы должны знать, что нет.

Саят закрыл тетрадь.

— Сегодня я пытался записать одну мысль, но она всё время ускользает.

— Может быть, она не хочет, чтобы её записывали.

— А вы часто разговариваете с мыслями?

— Только с теми, которые не дают мне покоя.

Он улыбнулся.

— Тогда у нас есть кое-что общее.

— Возможно. Но не спешите делать выводы.

— Я не спешу.

Мариам задержалась у ворот. Ей хотелось спросить, о чём он писал, но она не решалась. Саят заметил её взгляд и протянул тетрадь.

— Хотите посмотреть?

Она немного помедлила, затем взяла её. На странице было несколько строк, написанных неровным почерком. Некоторые слова были зачёркнуты, другие вписаны поверх прежних. Мариам прочитала:

«Есть люди, что проходят мимо,

Не оставляя даже следа.

А есть такие, что незримо

В душе останутся всегда».

Она вернула тетрадь.

— Это о ком-то конкретном?

— Пока нет.

— Тогда почему вы написали именно так?

— Наверное, потому, что сегодня город показался мне немного другим.

— Город меняется каждый день.

— Но не каждый день мы замечаем перемены.

Мариам посмотрела на него. Впервые за всё время их знакомства она не нашла немедленного ответа.

Из дома послышался голос Артёма:

— Мариам! Ты вернулась?

Она обернулась.

— Да, отец!

— Тогда заходи. У нас гости.

Мариам снова посмотрела на Саята.

— До свидания.

— До свидания, Мариам.

Она сделала несколько шагов, но затем остановилась.

— Кстати, ваша струна уже согласилась вернуться к остальным?

— Пока нет. Но я надеюсь, что со временем она станет сговорчивее.

— Не будьте слишком настойчивы. Иногда лучше дать ей возможность самой найти своё место.

Саят улыбнулся.

— Я постараюсь запомнить.

Мариам вошла во двор, а молодой музыкант ещё некоторое время смотрел на закрывшуюся калитку.

В доме действительно были гости. Геворг сидел рядом с Артёмом и рассказывал о какой-то торговой поездке. Увидев Мариам, он поднялся и приветливо поклонился.

— Рад вас видеть.

— Добрый вечер, Геворг.

Он подвинул для неё стул. Мариам поблагодарила и села. Разговор продолжился, но мысли её ещё оставались у соседней стены, возле скамьи, где лежала маленькая тетрадь с незавершёнными строками.

Артём, довольный тем, что дочь вернулась вовремя и теперь присоединилась к гостям, предложил всем чай.

Геворг тем временем рассказывал о своих планах. Он говорил уверенно, обстоятельно и довольно долго. Мариам слушала его внимательно, не перебивая, но всё чаще замечала, что его слова похожи на хорошо составленный торговый договор: в них было много обещаний, но почти не оставалось места для неожиданности.

Она не знала, что принесёт ей знакомство с молодым музыкантом. Не знала даже, захочет ли продолжать его. Но впервые за долгое время ей показалось, что впереди существует не только дорога, которую уже выбрали за неё.

А где-то за стеной Саят снова взял инструмент. На этот раз струна звучала чисто. Он провёл по ней пальцами и тихо повторил мелодию, которую услышал утром.

Вечерний Тифлис постепенно затихал, но в двух соседних домах ещё долго не гасли огни.

Глава седьмая. Секрет одного письма

В старом Тифлисе письма редко оставались личным делом тех, кому были адресованы. Не потому, что горожане отличались особенным любопытством, хотя и этого качества им было не занимать, а потому, что между отправителем и получателем почти всегда находился кто-нибудь, кому поручали передать послание. А уж посланец, особенно если он был молод, разговорчив и не слишком занят, мог по дороге узнать немало интересного.

Существовали, конечно, люди, которые умели хранить чужие тайны. Но даже они не всегда могли устоять перед искушением поделиться хотя бы половиной услышанного, особенно если эта половина обещала занимательную историю.

В то утро Сулейман появился у лавки Артёма Меликяна с таким видом, словно нёс важное государственное известие.

— Артём! — объявил он ещё с порога. — У меня к тебе дело.

— Если ты пришёл за вином, то я его не продаю.

— Я пришёл не за вином.

— Тогда тем более настораживает.

Сулейман обиженно приложил руку к груди.

— Неужели ты считаешь меня человеком, который думает только о торговле?

— Нет. Иногда ты думаешь о еде.

— Вот видишь! Ты начинаешь понимать мою душу.

Артём отложил счётную книгу.

— Ну, говори. Что случилось?

Сулейман оглянулся, убедился, что рядом никого нет, и понизил голос:

— Мне поручили передать письмо.

— И что в этом необычного?

— Необычно то, что я не знаю, кому его следует передать.

Артём несколько секунд смотрел на него, затем спокойно произнёс:

— Тогда отнеси письмо тому, кто тебе его дал.

— Ты не понимаешь. Человек, который его дал, попросил передать его человеку, которого я должен узнать по особому знаку.

— По какому?

— Вот именно этого я и не знаю.

Артём рассмеялся.

— Сулейман, ты способен превратить доставку письма в путешествие по всему городу.

— Зато какое путешествие! Возможно, в конце меня ожидает награда.

— Или неприятности.

— Неприятности, как правило, тоже имеют свою цену.

Сулейман достал из-за пояса небольшой сложенный лист бумаги, запечатанный каплей воска. На печати виднелся простой узор, напоминавший ветку с двумя листьями.

Артём нахмурился.

— Где ты это взял?

— Вчера вечером. Меня попросил один молодой человек.

— Как его зовут?

— Не сказал.

— Ты даже имени не спросил?

— Я собирался, но он так торопился, что я не успел. Кроме того, он пообещал угостить меня вином.

— Теперь понятно, почему ты согласился.

— Я человек доверчивый, Артём. Особенно когда мне предлагают хорошее вино.

Артём взял письмо, внимательно посмотрел на печать, но вскрывать его не стал.

— Чужие письма не читают.

— Я тоже так думаю, — поспешно согласился Сулейман. — Хотя иногда мне кажется, что люди пишут письма исключительно для того, чтобы другие их прочитали.

— Это уже твоя философия.

— У меня много философии. Просто не всегда есть возможность её записать.

В этот момент из внутренней комнаты вышла Мариам. Увидев письмо в руках отца, она остановилась.

— Кто-то прислал известие?

— Пока неизвестно кому, — ответил Артём.

Сулейман тут же вмешался:

— Это тайное послание. Очень важное. Возможно, даже любовное.

— Сулейман! — строго произнёс Артём.

— Я ничего не утверждаю. Просто говорю, что печать выглядит романтически.

Мариам подошла ближе и посмотрела на восковой оттиск.

— Интересный знак.

— Ты его знаешь? — спросил отец.

— Нет. Но, кажется, видела похожий узор на одном из старых украшений тёти Тамары.

Сулейман оживился.

— Вот! Я же говорил, что письмо имеет отношение к женщине!

— Ты говорил, что оно имеет отношение к любви, — заметил Артём.

— Любовь и женщина, как правило, находятся неподалёку друг от друга.

— А иногда и очень далеко, — спокойно ответила Мариам.

Сулейман посмотрел на неё с уважением.

— Хорошо сказано. Я бы даже записал, если бы умел писать достаточно быстро.

В то же время Саят находился в мастерской Авака. Старый мастер занимался настройкой инструмента, а молодой музыкант перебирал струны и пытался добиться от них ровного звучания.

— Ты сегодня рассеян, — заметил Авак.

— Почему ты так решил?

— Потому что уже трижды проверил одну и ту же струну.

— Возможно, она плохо настроена.

— Тогда проверь её один раз как следует.

Саят улыбнулся.

— Ты прав.

Он отложил инструмент и посмотрел в окно. В соседнем дворе было тихо. Мариам он не видел со вчерашнего вечера, но почему-то вспоминал их разговор чаще, чем следовало бы.

— Ты думаешь о девушке? — неожиданно спросил Авак.

Саят повернулся.

— А ты думаешь о струнах?

— О струнах я думаю тогда, когда они звучат плохо. А о людях — когда они слишком часто смотрят в одну сторону.

— Ты становишься опасным наблюдателем, мастер.

— Старость имеет свои преимущества. Молодые люди ещё не научились скрывать то, что сами от себя скрывают.

Саят хотел ответить, но в этот момент во двор вбежал мальчик. Это был Гиви — тот самый соседский сорванец, которого Сулейман время от времени использовал для поручений.

— Саят! — крикнул он. — Тебя спрашивают!

— Кто?

— Не знаю. Мужчина какой-то. Сказал, что у него письмо.

— И почему ты решил, что оно предназначено мне?

— Потому что он спросил, где живёт музыкант, который играет у Авака. А я знаю только тебя.

Авак усмехнулся.

— Вот видишь. Теперь ты не просто музыкант. Ты уже стал ориентиром на городской карте.

Саят вышел к воротам. Там действительно стоял незнакомый мужчина лет тридцати пяти, одетый неброско, но аккуратно.

— Вы Саят? — спросил он.

— Да.

— Мне сказали передать вам это письмо.

Мужчина протянул небольшой лист бумаги. На нём не было имени отправителя, только знакомый узор печати — ветка с двумя листьями.

Саят внимательно посмотрел на неё.

— Кто просил вас передать?

— Человек, который не пожелал назвать себя.

— А кому ещё вы должны были его передать?

— Мне сказали, что вы узнаете.

Саят взял письмо, но не стал сразу его открывать.

— Вы уверены, что не ошиблись?

— Мне сказали искать молодого музыканта возле мастерской Авака. Другого такого человека я здесь не знаю.

Посланец поклонился и ушёл.

Саят вернулся в мастерскую. Авак взглянул на письмо.

— Опять чужие дела?

— Похоже, теперь и мои.

— Не всякое письмо приносит хорошие вести.

— Но и не всякое плохие.

Саят осторожно развернул лист. Почерк был изящным, но несколько строк написаны так, словно автор торопился.

«Тому, кто умеет слушать не только музыку.

Если слова иногда оказываются слишком смелыми для встречи, пусть они хотя бы попробуют пройти этот путь на бумаге.

Вечером, когда солнце коснётся старой стены у сада, я буду ждать ответа.

Не ищите отправителя. Иногда лучше сначала услышать, а потом узнать имя.

М.»

Саят перечитал письмо. Затем ещё раз посмотрел на последнюю букву.

— Что там? — спросил Авак.

— Письмо без имени.

— Такие письма обычно имеют больше одного имени.

Саят улыбнулся.

— Ты опять говоришь загадками.

— Нет. Просто не забывай, что у всякой тайны есть хозяин. И не всегда тот, кто получает письмо, имеет право распоряжаться чужой тайной.

Молодой музыкант сложил лист и убрал его в карман.

Он не знал, кто его отправил. Но почему-то подумал о Мариам.

К вечеру Сулейман успел обойти несколько улиц, дважды выпить чаю, один раз поспорить с торговцем фруктами и получить от него в подарок несколько гранатов. Письмо всё ещё лежало у него в кармане, и он всё больше убеждался, что судьба поручила ему важное дело.

На перекрёстке он встретил Давида.

— Ты куда направляешься? — спросил тот.

— По делу.

— По какому?

— Не могу сказать.

— Значит, по плохому.

— Почему?

— Потому что если бы дело было хорошим, ты уже рассказал бы о нём половине города.

Сулейман посмотрел на друга с подозрением.

— Ты слишком хорошо меня знаешь.

— Это не достоинство. Это многолетнее испытание.

Они пошли вместе. Вскоре Сулейман заметил молодого человека, который стоял возле фонтана и внимательно рассматривал прохожих. Это был тот самый посланец, который утром приносил письмо Саяту.

— Вот он! — воскликнул Сулейман.

— Кто?

— Человек, который знает, кому принадлежит тайна!

Он направился к незнакомцу, но тот, заметив его, поспешно отвернулся и исчез в боковом переулке.

— Постой! — крикнул Сулейман. — Я всего лишь хочу задать один вопрос!

Давид остановился.

— Ты собираешься преследовать человека из-за письма, которое даже не тебе адресовано?

— Я не преследую. Я уточняю обстоятельства.

— В Тифлисе это иногда называется одним и тем же.

Сулейман вздохнул и вынул письмо из кармана.

— Знаешь, Давид, мне кажется, я совершаю ошибку.

— Наконец-то разумное предположение.

— Я должен был сразу спросить, кому его передать.

— И что теперь?

— Теперь я не знаю, кому оно предназначено, зато знаю, что вокруг него происходит что-то интересное.

Давид покачал головой.

— Ты невыносим.

— Зато никогда не скучно.

В доме Артёма Меликяна вечер проходил спокойно. Мариам сидела у окна и занималась вышиванием. Отец читал записи из лавки, время от времени делая замечания о расходах и поставках.

— Сегодня Сулейман приходил, — произнёс он, не отрывая взгляда от бумаги.

— Я знаю.

— Он оставил у меня письмо.

Игла в руках Мариам на мгновение остановилась.

— Какое письмо?

— Неизвестно кому адресованное. С какой-то странной печатью. Он, разумеется, ничего толком объяснить не смог.

— А ты знаешь, кто его отправил?

— Нет. И не собираюсь заниматься чужими тайнами.

Мариам продолжила вышивать.

— А письмо осталось у тебя?

— Нет. Сулейман забрал его. Кажется, теперь он намерен разыскать отправителя.

Она опустила глаза, скрывая улыбку.

— Значит, у него появилось занятие.

— У Сулеймана всегда есть занятие. Вопрос лишь в том, кто потом будет исправлять последствия.

Артём снова углубился в свои записи.

Мариам молчала. Она вспомнила знак на печати, который показался ей знакомым. Вспомнила и слова, сказанные Саяту возле мастерской. Но больше всего её занимал вопрос: почему вдруг письмо оказалось связано с молодым музыкантом?

Она не знала ответа.

В этот момент в дверь постучали. Служанка вошла и сообщила, что пришёл Геворг.

Артём отложил книгу и поднялся навстречу гостю.

— Прошу, проходи! Мы как раз говорили о делах.

Геворг поздоровался, затем обратился к Мариам:

— Надеюсь, я не помешал?

— Нет, — ответила она. — Мы всегда рады гостям.

Он сел и начал рассказывать о предстоящей поездке. Его отец собирался отправить его по торговым делам в другой город, и Геворг хотел воспользоваться случаем, чтобы расширить семейные связи.

— Я пробуду в отъезде несколько недель, — сказал он. — Но надеюсь, что по возвращении смогу увидеть вас снова.

— Тифлис не исчезнет за несколько недель, — заметила Мариам.

— Это утешает.

— А если исчезнет, то, вероятно, мы все узнаем об этом заранее.

Геворг улыбнулся, но в её ответе почувствовал привычную дистанцию.

Он был не глуп и не лишён наблюдательности. Мариам нравилась ему, однако он пока не понимал, что именно мешает ей ответить на его внимание. Он привык считать, что достаточно проявить настойчивость, предложить достойное будущее и заручиться поддержкой семьи. Но Мариам не была человеком, которого можно убедить одним перечнем достоинств.

Когда наступила ночь, Саят вышел во двор. В руках у него было письмо. Он снова перечитал его, затем подошёл к стене, отделявшей мастерскую от соседнего двора.

Солнце давно скрылось, и назначенное время прошло. Он не знал, следует ли ему ждать ответа или оставить всё как есть.

Вдруг за стеной послышался тихий шорох. Затем чей-то голос произнёс:

— Вы сегодня получили письмо?

Саят замер.

— Да.

— И прочитали?

— Несколько раз.

— Значит, вы умеете читать не только ноты.

— Иногда мне приходится читать и чужие мысли.

За стеной раздался негромкий смех.

— А вы уверены, что это были именно чужие мысли?

Саят улыбнулся.

— Нет. Но мне хотелось бы узнать, кто их написал.

Наступило молчание.

— Не сегодня, — произнёс голос. — Сегодня достаточно того, что вы ответили.

— А если я не знаю, кому отвечаю?

— Тогда, возможно, вы отвечаете не имени, а словам.

Саят задумался. Он хотел задать ещё один вопрос, но услышал удаляющиеся шаги.

— Подождите! — негромко позвал он.

Ответа не последовало.

Он остался у стены один. В руке лежал сложенный лист бумаги, а в голове звучала мелодия, которой ещё не существовало.

На другой стороне стены Мариам вернулась в комнату. Она подошла к окну и долго смотрела на темнеющий двор.

Она не написала письма. Но и не собиралась объяснять это Саяту.

Знак на печати принадлежал старому украшению, которое когда-то подарила ей тётя Тамара. Откуда он появился на чужом письме, Мариам пока не знала. Но теперь была уверена: кто-то в городе затеял игру, правила которой ещё предстояло узнать. И самое любопытное заключалось в том, что Саят уже оказался в её центре.

Глава восьмая. Песня, остановившая ссору

В Тифлисе ссоры случались по самым разным причинам. Иногда люди спорили из-за денег, иногда из-за земли, иногда из-за чести, которую один считал задетой, а другой вообще не замечал. Бывали споры о качестве товара, о справедливости цены, о достоинстве семей и даже о том, кто первым поздоровался на улице. Последнее обстоятельство особенно раздражало Сулеймана, поскольку он полагал, что здороваться первым должен тот, кто лучше воспитан, а отвечать на приветствие — тот, кто не хочет прослыть невеждой.

В тот день поводом для большого переполоха послужила бочка вина.

Бочка стояла во дворе небольшого трактира, принадлежавшего человеку по имени Баграт. Сам он был невысок, широкоплеч и обладал таким голосом, что даже его обычное замечание можно было принять за начало военного похода. Вино он продавал хорошее, но характер имел трудный. Если покупатель хвалил товар, Баграт считал это естественным. Если критиковал — воспринимал как личное оскорбление.

Его постоянным покупателем был торговец по имени Мурад, человек спокойный в обычной жизни, но чрезвычайно упрямый, когда дело касалось денег. Накануне он приобрёл у Баграта несколько кувшинов вина для семейного торжества. Однако утром обнаружил, что один из кувшинов оказался испорченным.

Мурад вернулся в трактир и потребовал вернуть деньги.

— Ты продал мне плохое вино, — заявил он.

— Я продал тебе лучшее вино, какое у меня есть, — ответил Баграт.

— Тогда, выходит, у тебя всё вино плохое.

— Осторожнее со словами!

— Я осторожен. Именно поэтому пришёл сначала поговорить, а не сразу позвал свидетелей.

Баграт покраснел.

— Ты хочешь сказать, что я обманываю покупателей?

— Я хочу сказать, что ты должен отвечать за свой товар.

Вокруг них уже собрались люди. Кто-то поддерживал Мурада, кто-то защищал Баграта, а некоторые просто надеялись, что спор закончится чем-нибудь интересным.

Сулейман появился в самый неподходящий момент, то есть именно тогда, когда спор достиг той стадии, на которой любое неосторожное слово могло превратиться в новое обвинение.

— Что случилось? — спросил он, протискиваясь между зрителями.

— Баграт продал мне испорченное вино, — объяснил Мурад.

— Неправда! — возмутился хозяин трактира. — Вино было превосходным!

Сулейман посмотрел на обоих, затем на бочку.

— А почему бы нам не попробовать и не решить вопрос по справедливости?

— Ты хочешь быть судьёй? — спросил Давид, который тоже оказался неподалёку.

— Я хочу быть полезным.

— Это ещё опаснее.

Сулейман сделал вид, что не услышал.

— Баграт, налей немного вина. Мурад, попробуй. Если вино действительно плохое, деньги следует вернуть. Если хорошее — спор окончен.

— А кто будет решать, хорошее оно или плохое? — спросил Баграт.

— Я.

— Ты? — одновременно переспросили оба спорщика.

— Разумеется. Я человек беспристрастный.

Давид отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

Баграт налил немного вина в чашу. Сулейман осторожно поднёс её к губам, сделал глоток и задумался. Все смотрели на него с ожиданием.

— Ну? — нетерпеливо спросил Мурад.

— Вино хорошее, — наконец произнёс Сулейман.

Баграт торжествующе улыбнулся.

— Вот видишь!

— Но, — продолжил Сулейман, — я должен признаться, что не совсем уверен.

— Как это не уверен? — возмутился Баграт.

— Для окончательного заключения мне необходимо попробовать ещё немного.

Давид схватил его за рукав.

— Ты пришёл решать спор или обедать?

— Не мешай правосудию, — прошептал Сулейман.

Однако Мурад уже начинал терять терпение. Он потребовал вернуть деньги, Баграт отказался, и спорщики снова повысили голоса.

Вскоре дело дошло до взаимных обвинений. Один из работников трактира попытался вмешаться, но его оттолкнули. Несколько молодых людей, стоявших рядом, начали подзадоривать спорщиков. Обстановка становилась всё более напряжённой.

— Я не позволю так разговаривать со мной в собственном доме! — крикнул Баграт.

— А я не позволю обманывать себя! — ответил Мурад.

Сулейман понял, что его посредничество окончательно провалилось.

— Друзья! — попытался он перекричать шум. — Давайте успокоимся!

Но его никто не слушал.

Тогда Давид заметил возле входа Саята. Молодой музыкант пришёл вместе с Аваком, который собирался передать хозяину трактира отремонтированный инструмент. Саят остановился, увидев толпу и услышав крики.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Обыкновенная торговая ссора, — ответил Давид. — Только, боюсь, она перестала быть обыкновенной.

Саят некоторое время наблюдал за спорщиками. Он видел, что оба уже перестали слышать друг друга. Каждый защищал не столько свои деньги, сколько собственную гордость.

— Можно ли что-нибудь сделать? — спросил он.

— Попробуй, — сказал Давид. — Сулейман уже испробовал всё, что мог.

— А что именно он испробовал?

— Выпил вина и объявил себя судьёй.

Саят невольно улыбнулся.

Он подошёл ближе и попросил хозяина трактира дать ему немного места. Баграт сначала не обратил внимания, но затем заметил инструмент в руках молодого человека.

— Сейчас не время для музыки! — крикнул он.

— Возможно, именно поэтому она и нужна, — спокойно ответил Саят.

Баграт хотел возразить, но Мурад уже посмотрел на незнакомца с любопытством.

— Ты собираешься петь? — спросил он.

— Если вы позволите.

— Пусть поёт! — неожиданно выкрикнул кто-то из толпы. — Может, хоть он сумеет нас рассудить.

Саят не стал отвечать. Он устроился возле стены, проверил струны и начал играть.

Первые звуки были тихими, почти незаметными среди голосов. Но мелодия оказалась такой необычной, что люди постепенно начали оборачиваться. Она напоминала старую городскую песню, которую многие слышали в детстве, но давно забыли. В ней не было ни торжественности, ни печали. Она звучала просто и тепло, словно кто-то рассказывал о доме, где всегда ждут возвращения.

Саят запел:

— Когда вино в кувшине льётся,

Не спрашивай, кто прав, кто нет.

Пока сосед с тобою бьётся,

В твоём дому погаснет свет.

Он сделал небольшую передышку, продолжая перебирать струны.

— Богатство можно вновь нажить,

А слово трудно возвратить.

И если гордость победит,

То дружбе будет негде жить.

Кто-то улыбнулся. Один из работников трактира перестал удерживать молодого человека, который ещё минуту назад готов был вмешаться в драку. Мурад опустил руку, сжимавшую край одежды. Баграт, всё ещё сердитый, уже не кричал.

Саят продолжал:

— Пусть каждый скажет без угрозы,

Что потерял и что нашёл.

Не превращайте вражду в розы,

Не прячьте правду за столом.

Последние слова прозвучали мягко, почти шутливо. Несколько человек засмеялись, и напряжение окончательно ослабло.

Саят закончил песню и поднял глаза.

— Ну что же, друзья, теперь, быть может, вы сможете продолжить разговор без крика.

Мурад посмотрел на Баграта.

— Я действительно хочу вернуть деньги за испорченный кувшин. Но не желаю ссориться с тобой.

Баграт помолчал, затем вздохнул.

— Возможно, вино и вправду оказалось неудачным. Я не проверил тот кувшин перед продажей.

— Значит, ты признаёшь?

— Я признаю, что должен был быть внимательнее. Но и ты мог сказать об этом спокойнее.

Мурад кивнул.

— Согласен.

Баграт приказал работнику принести деньги. Затем, немного поколебавшись, добавил:

— А за песню я хочу угостить музыканта.

Сулейман немедленно поднял руку.

— И судью!

— Какого ещё судью? — удивился Баграт.

— Меня. Я тоже участвовал в урегулировании конфликта.

Давид рассмеялся.

— Ты участвовал главным образом в дегустации.

— Это была важная часть расследования!

Толпа снова засмеялась. Даже Баграт не удержался от улыбки.

Когда люди разошлись, Авак подошёл к Саяту.

— Ты сегодня сделал то, чего не сумели сделать несколько десятков человек.

— Я всего лишь спел песню.

— Не преуменьшай. Иногда человек произносит тысячу слов, но не находит ни одного, которое стоило бы услышать. А иногда достаточно нескольких строк.

Саят посмотрел на мастера.

— Мне показалось, что они оба были не столько сердиты друг на друга, сколько боялись уступить.

— Так бывает чаще, чем ты думаешь.

— Но разве уступить — значит проиграть?

Авак усмехнулся.

— Об этом ты должен будешь спросить у людей, которые всю жизнь считают себя победителями.

Сулейман, услышав последние слова, подошёл к ним.

— Я бы с удовольствием ответил на этот вопрос, но сначала хотел бы выяснить, где находится обещанное угощение.

— Ты уже получил свою долю, — сказал Давид.

— Нет. То, что я получил, было платой за труды. А угощение — это отдельное дело.

— Сулейман, — обратился к нему Саят, — если ты продолжишь так рассуждать, однажды тебе придётся открыть собственный трактир.

— А почему бы и нет? Назову его «У справедливого судьи». Вино будут наливать только после того, как я проверю его качество.

— Тогда посетители будут уходить раньше, чем ты закончишь проверку, — заметил Давид.

Сулейман посмотрел на него с укоризной.

— Вот за это я и не люблю философов. Они способны испортить даже хороший обед.

Вечером Саят вернулся в мастерскую Авака. День выдался насыщенным, и ему хотелось побыть одному. Он достал тетрадь и записал несколько строк, которые пришли ему в голову ещё во время песни.

Затем отложил перо и посмотрел на соседний двор.

В окне дома Меликяна горел свет. За занавеской двигалась женская фигура. Саят не мог разглядеть лица, но почему-то подумал, что это Мариам.

Он взял инструмент и тихо повторил мелодию, которая помогла остановить ссору. Затем добавил к ней несколько новых звуков. Получалось что-то более мягкое и задумчивое.

Вскоре из соседнего двора донёсся голос:

— Это новая песня?

Саят поднял голову. У стены стояла Мариам.

— Пока только начало.

— О чём она?

— О людях, которые не умеют уступать.

— Значит, о половине Тифлиса.

— Возможно, и о второй половине.

Мариам улыбнулась.

— Сегодня я слышала, что вы остановили ссору в трактире.

— Кто рассказал?

— Сулейман. Он утверждает, что без его участия всё могло закончиться гораздо хуже.

— Я не сомневаюсь. Но, кажется, он забыл упомянуть, что сначала пытался решить спор при помощи вина.

— Он и мне рассказал об этом. Причём с большим достоинством.

Саят рассмеялся.

— Сулейман умеет превращать любую неудачу в рассказ о собственной победе.

— А вы умеете превращать чужие ссоры в песни.

— Не всегда.

— Но сегодня получилось.

Он посмотрел на неё.

— Вы действительно слышали песню?

— Да. И мне понравились последние строки.

— Какие именно?

— О том, что дружбе негде жить, если побеждает гордость.

Саят задумался.

— Я боялся, что эта мысль прозвучит слишком просто.

— Иногда простые мысли труднее всего принять.

Они немного помолчали.

— Мариам, — произнёс Саят, — я хотел спросить вас об одном письме.

Она внимательно посмотрела на него.

— О каком?

— О том, которое я получил несколько дней назад. На печати был знак, похожий на ветку с двумя листьями. Вы говорили, что видели такой узор.

Мариам не сразу ответила.

— Да. Мне кажется, он был на одном украшении моей тёти.

— Значит, вы знаете, кому принадлежит письмо?

— Нет. Но, возможно, моя тётя могла бы объяснить, откуда взялся этот знак.

— Вы спросите её?

Мариам слегка улыбнулась.

— А вы так сильно хотите узнать отправителя?

— Мне кажется, я уже начинаю понимать, что это за письмо.

— И что же вы поняли?

— Что оно принесло больше вопросов, чем ответов.

— Это бывает с хорошими письмами.

— А с плохими?

— Они обычно не доходят до адресата.

Саят рассмеялся.

В этот момент из дома раздался голос Артёма:

— Мариам! Ты опять возле стены?

— Я уже иду, отец!

Она посмотрела на Саята.

— До завтра.

— До завтра.

Мариам направилась к дому, а Саят ещё долго сидел у мастерской, перебирая струны.

Он понимал, что их разговоры становятся всё более личными. Но не хотел торопить события. Впервые за долгое время ему было интересно не только то, что человек говорит, но и то, о чём он предпочитает молчать.

Позднее, когда город уже погрузился в ночную тишину, Авак вышел из мастерской и увидел Саята, который всё ещё сидел во дворе.

— Ты опять не спишь?

— Мне не хочется.

— Значит, день был удачным?

— По-разному.

— Если человек способен увидеть в одном дне и удачу, и затруднение, значит, он ещё не потерял способность думать.

Саят улыбнулся.

— Мастер, ты сегодня особенно разговорчив.

— А ты особенно молчалив.

Авак сел рядом.

— Знаешь, что я понял за свою жизнь? Люди часто ждут, что их услышат, но редко задаются вопросом, умеют ли они слушать других. Ты сегодня напомнил им об этом. Но не думай, что песня всегда сможет остановить ссору. Есть люди, которые не хотят слышать даже собственную совесть.

Саят посмотрел на небо.

— Тогда зачем продолжать петь?

Авак ответил не сразу.

— Потому что даже если песня не изменит всех людей, она может изменить одного. А иногда этого достаточно, чтобы мир стал немного лучше.

Молодой музыкант ничего не сказал. Он взял инструмент и тихо заиграл.

В старом Тифлисе вечерние огни постепенно гасли, но музыка ещё некоторое время звучала над узкими улицами, над дворами, над крышами домов, в которых жили люди с разными судьбами и разными заботами.

И никто из них не знал, что однажды эти мелодии переживут тех, кто сегодня спорил, смеялся, любил и мирился.

Часть вторая. «Любовь, интриги и прочие неприятности»

Глава девятая. Три поклонника и одна тайна

В доме тёти Тамары с самого утра царило необычное оживление. Служанка то и дело выносила из кухни подносы, на столах появлялись блюда, которые обычно берегли для особых случаев, а сама хозяйка, надев праздничное платье и украсив волосы старинной серебряной заколкой, следила за приготовлениями с таким вниманием, словно ожидала не гостей, а самого царя Ираклия.

Мариам, наблюдавшая за этой суетой из окна, наконец не выдержала.

— Тётя, скажи мне честно: у нас сегодня семейный вечер или заседание совета по устройству моей судьбы?

Тамара обернулась и улыбнулась.

— А разве одно мешает другому? В нашем городе даже семейные вечера иногда заканчиваются решениями, которые потом приходится обсуждать целыми кварталами.

— Тогда я надеюсь, что сегодня совет обойдётся без голосования.

— Не беспокойся, дорогая. Голосовать будут мужчины, а решать всё равно тебе.

Мариам рассмеялась, но в её улыбке оставалась настороженность. Она уже знала, что приглашение к тёте было не совсем обычным. Артём Меликян, её отец, ничего прямо не сказал, однако за последние дни несколько раз заводил разговор о Геворге, его семье и выгодных торговых связях. А Тамара, которая умела читать мысли окружающих лучше, чем некоторые — письма, явно задумала нечто большее, чем простое угощение.

Первым появился Геворг. Он был одет с безупречной аккуратностью, держался уверенно и принёс хозяйке небольшой подарок — дорогую шкатулку с тонкой резьбой. Тамара поблагодарила его, но, заметив, как он ищет глазами Мариам, лишь слегка приподняла бровь.

Следом пришёл Арам, сын ювелира. В отличие от Геворга, он не пытался произвести впечатление дорогими вещами. Он принёс маленькую серебряную подвеску собственной работы и сразу признался, что не уверен, понравится ли она хозяйке.

— Если не понравится, — сказал он, — я смогу переделать её. Серебро не обидится.

— А человек? — спросила Мариам.

— Человек иногда обижается даже на то, что ему идёт на пользу. С ним труднее, чем с серебром.

Мариам улыбнулась. Арам умел говорить легко, но за его шутками иногда скрывалась неожиданная наблюдательность.

Последним появился Карен. Он был сдержан, не стремился занять центральное место в разговоре и, в отличие от остальных, принёс не подарок, а старинную книгу, которую, по его словам, давно искал для тёти Тамары.

— Я подумал, что ей будет приятнее получить то, что она действительно хотела прочитать, — объяснил он.

— Вот это уже опасный поступок, — заметила Тамара. — Человек, который помнит чужие желания, может однажды стать незаменимым.

— Или просто внимательным, — ответил Карен.

— Не скромничай, молодой человек. Внимательность в наше время встречается реже золота.

Когда все собрались за столом, разговор быстро стал общим. Геворг рассказывал о торговых делах, Арам вспоминал забавный случай в мастерской отца, а Карен рассуждал о том, как разные языки меняют звучание одних и тех же мыслей.

Сулейман, приглашённый как старый знакомый семьи, сидел ближе всех к блюдам и с большим удовольствием поддерживал разговор.

— Я всегда говорил, — заявил он, поднимая бокал, — что хорошее общество определяется не количеством гостей, а качеством угощения.

— А я думала, качеством беседы, — заметила Мариам.

— Это тоже важно. Но беседа без угощения напоминает песню без музыки. Вроде слова есть, а душа не знает, куда ей деваться.

— Значит, сегодня мы можем не беспокоиться за твою душу, — сказала Тамара. — Она уже устроилась возле самого большого блюда.

Все засмеялись.

Постепенно разговор всё же вернулся к Мариам. Геворг заговорил о том, что в их семьях давно знакомы и что было бы естественно укрепить дружбу ещё теснее. Арам, не желая уступать ему инициативу, заметил, что иногда самые крепкие отношения начинаются вовсе не с договорённостей. Карен промолчал, но его взгляд на мгновение задержался на Мариам.

— Вы все говорите так, будто обсуждаете какую-то сделку, — наконец произнесла она. — Один предлагает укрепить связи, другой — начать с дружбы, третий предпочитает молчать. А меня никто не спросил, чего хочу я сама.

Геворг слегка смутился.

— Мы не хотели тебя обидеть.

— Я и не обиделась. Просто хочу, чтобы вы помнили: я не товар в лавке моего отца, который можно оценить, похвалить и приобрести.

Арам первым поднял руки в знак примирения.

— Признаю, сравнение не в нашу пользу. Но, если позволишь, я бы предпочёл узнать тебя не по описанию, а по собственным наблюдениям.

— Это уже разумнее, — ответила Мариам.

Карен посмотрел на неё с уважением.

— Человек должен иметь право выбирать не только того, с кем ему жить, но и то, каким человеком ему оставаться.

Геворг хотел что-то возразить, однако передумал и взял бокал.

Тамара, наблюдавшая за разговором, решила сменить тему.

— Мариам, расскажи нашим гостям ту историю о птице, которую ты недавно придумала. Кажется, она сегодня будет весьма кстати.

Мариам на мгновение задумалась, а затем заговорила:

— Один человек купил красивую птицу. Она обладала чудесным голосом, и он решил, что теперь каждый день будет слушать её песни. Он поставил клетку у окна, кормил птицу, чистил её жилище и даже украсил прутья золотом. Но птица молчала. Тогда он купил ей зеркало, чтобы она видела себя, потом поставил рядом другую птицу, чтобы ей было с кем разговаривать. Ничего не помогало. Наконец он спросил мудреца, почему птица не поёт, хотя у неё есть всё необходимое.

— И что ответил мудрец? — спросил Карен.

— Он сказал: «Ты дал ей красивую клетку, но забыл спросить, хочет ли она в ней жить».

За столом воцарилось молчание. Даже Сулейман на мгновение перестал жевать.

— А что же было дальше? — спросил Арам.

— Человек открыл дверцу. Птица вылетела, села на ветку и запела. Тогда хозяин понял, что прежде он покупал не песню, а право распоряжаться певцом.

Тамара одобрительно кивнула.

— Хорошая история. Только у неё есть один недостаток.

— Какой? — спросила Мариам.

— Ты не сказала, кто теперь будет кормить птицу.

Сулейман расхохотался так громко, что чуть не опрокинул бокал.

— Вот! Вот настоящий вопрос! Свобода свободой, а ужин по расписанию никто не отменял!

Смех вернулся к столу, и напряжение немного ослабло. Но каждый из троих молодых людей, кажется, понял рассказ по-своему.

Геворг задумался о том, что одной состоятельной семьи и доброго имени недостаточно, чтобы завоевать расположение девушки. Арам решил, что ему следует меньше говорить о своих намерениях и больше слушать. Карен же ничего не сказал, но в его глазах появилось то выражение, которое бывает у человека, неожиданно обнаружившего в чужих словах знакомую мысль.

Позднее, когда гости перешли в соседнюю комнату, Тамара попросила Мариам помочь ей проверить подарки. Девушка задержалась возле серебряной подвески Арама. На ней были изображены две тонкие веточки с листьями.

— Тётя, посмотри.

Тамара подошла ближе. Улыбка исчезла с её лица.

— Где ты это видела?

— На подвеске. И ещё… на знаке, о котором мы говорили. На том самом изображении с двумя листьями.

Тамара осторожно взяла украшение.

— Не торопись с выводами, Мариам. Одинаковые узоры встречаются чаще, чем нам кажется.

— Но почему ты так встревожилась?

— Потому что иногда старые вещи напоминают о людях, которых давно нет рядом.

Она положила подвеску на стол и некоторое время молчала.

В этот момент в комнату заглянул Гиви. Он выглядел необычно серьёзным для мальчика, который обычно приносил новости быстрее, чем успевал понять их смысл.

— Тамара-ханум, меня просили передать это Саяту.

Он протянул небольшой свёрток. Тамара посмотрела на него, затем на Мариам.

— Кто просил?

— Не знаю. Один человек у ворот. Сказал, чтобы я отдал лично и никому больше не показывал.

— И ты, конечно, никому не показывал? — спросила Мариам.

Гиви обиженно выпрямился.

— Я только Сулейману рассказал, что мне поручили секретное дело. Но сам свёрток не показывал!

— Значит, тайна уже стала известна по меньшей мере одному человеку, — заметила Тамара.

— Сулейман не считается, — уверенно сказал мальчик. — Он всё равно забывает половину того, что ему рассказывают.

Тамара рассмеялась, но свёрток взяла осторожно. На серебряной пластинке, лежавшей внутри, было выгравировано изображение двух листьев. Под ним стояло одно слово: «Скоро».

Вечером Гиви доставил пластинку Саяту. Молодой музыкант долго рассматривал её, пытаясь понять, кто мог послать ему этот знак. Он вспомнил письмо, загадочный голос за стеной, слова Авака о необходимости осторожности. Всё это постепенно складывалось в одну цепь, но недостающее звено никак не находилось.

Авак, заметив его задумчивость, спросил:

— Опять письмо?

— Теперь не письмо. Знак.

— Знаки иногда говорят меньше, чем люди, но заставляют думать дольше.

— Ты знаешь, что означает этот рисунок?

Мастер внимательно посмотрел на пластинку.

— Я видел похожие украшения. Но не стану утверждать, что именно этот знак имеет какое-то определённое значение.

— А слово «Скоро»?

— Это уже не знак, а обещание. Или предупреждение. Разница иногда выясняется слишком поздно.

Саят убрал пластинку в карман.

В ту же ночь Мариам получила от тёти Тамары короткую записку. В ней было всего две строки:

«Не всякая тайна должна оставаться тайной. Но не всякий человек должен узнать её первым».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.